

И. П. СЕНЧЕНКО

Королевство Саудовская Аравия

История страны,
народа и правящей
династии Аль Са'уд

Игорь Петрович Сенченко Королевство Саудовская Аравия. История страны, народа и правящей династии Аль Са'уд

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68731134

Королевство Саудовская Аравия. История страны, народа и правящей династии Аль Са'уд /И. П. Сенченко: Алетейя; Санкт-Петербург; 2022

ISBN 978-5-00165-509-1

Аннотация

Книга, предлагаемая вниманию читателя, – это познавательное историко-этнографическое путешествие в прошлое и настоящее земель, входящих сегодня в состав Королевства Саудовская Аравия; увлекательный рассказ об обычаях, традициях и нравах арабов Верхней Аравии; информативное повествование об их жизненных ценностях, о промыслах и ремеслах, о легендарных племенах и семейно-родовых кланах, о прославленных правителях и вождях племен, выдающихся военачальниках и знаменитых сказателях, поэтах и летописцах, о сохранившихся во времени древних мегаполисах и фортах.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

К читателю	6
Часть I	8
Часть II	40
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Игорь Сенченко
Королевство Саудовская
Аравия. История страны,
народа и правящей
династии Аль Са'уд

*Народу Королевства Саудовская Аравия и
правящей династии Аль Са'уд
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© И. П. Сенченко, 2022

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

К читателю

В книге содержится масса интересных сведений об автохтонах Северной Аравии, об «арабах первичных» или «арабах угасших», как они фигурируют в сводах «аравийской старины» и в летописи «временных лет» Аравии.

Взяв в руки эту книгу, читатель обнаружит в ней свиток увлекательных сказаний о зарождении племен Северной Аравии, познакомится с их жизнью и бытом. Окунется во времена владычества в Хиджазе династии Хашимитов, а в Северо-Восточной Аравии – ушедших в предания аравийцев Королевства Эль-Джубур и племени *бану халид*. Откроет для себя малоизвестные страницы из истории завоевательных походов в земли прибрежной Верхней Аравии легендарного Королевства Ормуз, крупнейшего некогда на Востоке центра морской торговли, и португальцев-конкистадоров. Зримо представит себе хронику событий острой борьбы за обладание тамошним краем Османской империи с Государством Са'удов. Узнает много фактов о политико-дипломатической и торговой деятельности в землях нынешнего Королевства Саудовская Аравия Российской империи, Англии, Франции и Германии. Побывает вместе с великими путешественниками-исследователями Аравии в Хиджазе и Эль-Касиме, в Неджде и Эль-Хасе, насладится их воспоминаниями и заметками об исторических городах Северной Аравии и о

Святых местах ислама.

Книга обращает на себя внимание солидным массивом использованных в ней архивных документов, посвященных становлению отношений Королевства Саудовская Аравия с Советской Россией и Российской Федерацией.

Немалый интерес представляет и собранная в книге коллекция донесений и записок отечественных дипломатов о землях и племенах Верхней Аравии, о прославленных семейно-родовых кланах Неджда и Хиджаза, об истории основания Королевства Саудовская Аравия и ее правителях. Найдет читатель в этой книге и богатую подборку документов об отношениях Дома Саудов и заложенного ими государства с Йеменом и Оманом, Катаром и Бахрейном, Кувейтом и шейхствами Аш-Шамал, то есть эмиратами нынешних ОАЭ.

Информативной насыщенностью отличается и раздел книги, повествующий о Саудовской Аравии дней сегодняшних, о ее роли и месте в современном мире.

Ознакомившись с отображенным в этой книге дневником событий древней, новой и новейшей истории земель Королевства Саудовская Аравия, читатель почувствует биение пульса и ритм жизни Аравии прошлого и настоящего.

Часть I

Древняя Аравия

Путешествие по лабиринтам времени

Древнегреческие географы делили Аравию на три части: «песчаную, каменистую и счастливую»; а арабские историки и «землеописатели» прошлого – на пять провинций: Йемен (Йаман у аравийцев, включая Хадрамаут, Махру, ‘Уман, то есть Оман, Аш-Шихр и Наджран), Хиджаз, Наджд (Нежд), Тихаму (Красноморское побережье полуострова между Йеменом и Хиджазом) и Йамаму.

Автохтонами Аравии, «арабами первичными» или «арабами первородными», своды «аравийской старины» называют племена людей-великанов: ‘ад и самуд, таем и джадис, ‘амалик и джурхум. В преданиях арабов Аравии о них говорится как об «арабах утерянных» или «арабах угасших» (‘араб ал-байда).

Родоначальником ‘адитов сказания племен и народов Древней Аравии именуют ‘Ада, сына ‘Уза, отцом которого был ‘Арим, внук Ноя. ‘Адиты поселились в Хадрамауте (район в Южной Аравии). Шаддад, сын ‘Ада, основал там «царство могучее, раскинувшее со временем власть свою на мно-

гие земли в Аравии и даже в Двуречье» (Месопотамии). «С войском великим, – гласят своды «аравийской старины», – он победно дошел до границ Хинда» (Индии). В царстве своем заложил Шаддад ибн ‘Ад город-сад, легендарный Ирам, «ставший зримым символом величия и славы, могущества и богатства рода его, древнего и знатного». Город этот, «красоты дивной», арабы прозвали «осколком Рая на земле». Но обуяла адитов гордыня безмерная. Не прислушались они к словам пророка Худа, посланного к ним Господом. За что и были повержены «ураганом страшным, ревушим и свирепым». И когда стих он, то валялись повсюду *‘адиты*, подобно стволам деревьев пальмовых, срубленных (1).

Самудиты, гордый народ Хиджра (*аехаб ал-Хиджр*) который упоминается в Коране, произошли от Самуда, сына Гетера, сына ‘Арима, сына Сама (Сима), сына Нуха (Ноя). Потомки Самуда расселились в землях Хиджаза, где «высекли себе дома в скалах». Со временем некоторые рода их отодвинулись в Наджд (Неджд). Когда впали *саму биты* в идолопоклонство, то послал к ним Творец пророка Салиха, дабы вернуть их на путь истинный. Но не вняли они проповедям и наставлениям Салиха, за что и поплатились, погубленные «ветром буйным», ниспосланным на них Господом (2). И «исчезли с лица земли» *самудиты*, и повторили судьбу *‘адитов* – стали еще одним «угасшим народом» Аравии.

Племена *таем* и *джадие* (их «обиталища», как следует из сочинений знаменитого арабского географа ‘Абд ар-Ра-

шида ал-Бакуви, находились в Йамаме) считались потомками Лаваза ибн 'Арима ибн Лаваза ибн Сама (Сима). Родом оттуда – вошедшая в предания арабов Аравии ал-Зарка' ал-Йамама, женщина, отличавшаяся, по выражению именитого арабского географа ал-Идриси (1100–1165), «остротой зрения и прелестью глаз», «видевшая опасность на расстоянии одного дня пути». В честь нее сначала главный город тех земель (Джав в прошлом), а потом и весь край тот, известный прежде как 'Аруд, что значит «лежащий поперек», пишет арабский принц-интеллектуал и географ Абу-л-Фида' (1273–1331), арабы Аравии стали называть Йамамой. Царствовал в уделах племен *таем* и *джадие*, сообщает ал-Бакуви, павших в межплеменной борьбе, человек по имени 'Амлик (в других источниках – 'Амликан), «жестокий тиран, вершивший суд над ними по своему усмотрению». «Как рассказы о *тасме*», скажет сегодня коренной житель Аравии, услышав нечто такое, во что трудно сразу поверить. О человеке дальновидном и предусмотрительном заметит, что он «видит лучше, чем ал-Зарка' ал-Йамама». Ведя же речь о чем-то имевшем место в далеком прошлом, молвит, что то, о чем он говорит, произошло давным-давно, еще во времена *'адитов* и *самудитов*.

К «арабам первичным» собиратели «аравийской старины» причисляют также *'амаликитов* и *джурхумитов*. Первые из них, сложившиеся в племя *ал- 'амалик*, «титаны Аравии», люди-гиганты, произошли от 'Амлака, внука Са-

ма (Сима), сына Нуха (Ноя). Вторые, *джархумиты*, – от Джархума, который находился вместе с Ноем в Ковчеге. Поселились они в Аравии, отодвинувшись из Двуречья, но, как и *'адиты*, и другие «арабы первичные», – «не сохранились» (3).

Когда «первичных арабов» не стало, то историю Аравии продолжили писать «арабы вторичные». Эту группу древних народов «Острова арабов», рассказывает арабский историк Ибн Халдун (1332–1406), составляли племена, ведущие свою родословную от Кахтана (библейского Иоктана), потомка Сима, сына Ноя. Й'араб, один из сыновей Кахтана, сделался родоначальником кочевых племен Нижней Аравии, а его брат Химйар – оседлых.

Предания арабов Аравии гласят, что тринадцать сыновей Кахтана, потомка Сима в четвертом поколении, дали начало «арабам чистым» (*мут'ариба*), *йеменитам* или *кахтанитам*, как они фигурируют в летописи «временных лет» Аравии, то есть аборигенам Южной Аравии. Сказания седой старины повествуют, что потомки Й'араба в память о своем легендарном предке нарекли одно из мест их обитания в Йемене Землей Й'араба (*Ард ал-Й'араб*), или просто *Араба*, а самих себя себя – арабами (*нас-эль-'арабили* кратко – *Араб*). Широко разойдясь со временем по Аравии, они стали именовать все тамошние земли «Островом арабов» (*Джазират-эль-'араб*) и «Обителью/местом обитания арабов» (*Дацират-эль-'араб*) (4).

И, наконец, к последней группе древних народов Аравии, к «арабам натурализовавшимся» (муст'ариба), историки прошлого относят исма'илитов-аднанитов, племена Северной Аравии. Из трудов Ибн Халдуна (1332–1406), следует, что 12 сыновей Исма'ила, сына Ибрахима (Авраама) от египтянки-наложницы Хаджар (библейской Агари), смешавшись с Аднанитами, потомками 'Аднана, брата Кахтана, и Джурхумитами, потомками Джурхума, сына Кахтана, образовали группу крупнейших племен Верхней Аравии – «арабов третичных».

В начале XVI в., когда португальцы, огнем мечом пройдя вдоль побережья Южной Аравии, в 1507 г. появились у скалистых берегов легендарного островного Королевства Ормуз, свои претензии на доминирование в Персидском заливе высказывало, наряду с ним, Королевство Эль-Джубур, являвшееся в то время главным «центром силы» Северо-Восточной Аравии. Заложило его в Восточном Недже, в конце XV столетия, несколько крупных родоплеменных кланов племени ал-джубур, переселившихся туда в XIV в. с Бахрейна (неждцы звали их «арабами Востока»). В состав Королевства Эль-Джубур с тогдашним «домом власти» в Недже вскоре вошли оазис Эль-Хаса с портом Эль-Катиф, а потом и острова Бахрейнского архипелага, и территории нынешних Кувейта и Катара, и острова Файлака и Тарут. Все земли эти – до подпадания их под власть племени ал-джубур – управлялись в той или иной форме Ор-

музом (5).

Власть *джубуритов* над Бахрейном (Дильмуном и Авалом в прошлом), Файлакой и Тарутом установил шейх Сайф ибн Замиль ибн Хусайн ал-‘Амри, второй владыка этого легендарного королевства Аравии. Правил им, по словам арабских историков, достойно, и власть в руках своих держал твердо. Предания сохранили рассказы о щедрости и внимании шейха Сайфа к нуждам соплеменников.

При его преемнике, шейхе Адждаде ибн Замиле, «пределы Королевства Эль-Джубур раздвинулись», говорится в сказаниях аравийцев, и подвластным ему сделалось все Восточное побережье Аравии. Он выстроил добрые отношения и широкие торговые связи с индийским Мусульманским Королевством Бахмани. Благодаря этому, а также контролю *джубуритов* над портами Арабского побережья Персидского залива, «богатства в их земли потекли рекой».

В 1506 г. шейха Адждада ибн Замиля сменил на троне его сын, шейх Мухаммад ибн Адждад, взявший титул владыки Неджда, короля Бахрейна и других подвластных ему земель в Прибрежной Аравии. Затем бразды правления в Королевстве Эль-Джубур перешли к шейху Мукрину ибн Адждаду ибн Замилю, брату шейха Мухаммада. Он вступил в жесткую схватку с Королевством Ормуз за доминирование в Персидском заливе. Последовали дерзкие и опустошительные набеги племени *ал-джубур* совместно с состоявшими в союзе с ним несколькими крупными племенами Восточной

Аравии на подвластные Ормузу поселения и порты на побережьях Ас-Сирр (нынешние ОАЭ) и Эль-Батина (Оман). И Королевство Эль-Джубур, сообщают хроники тех лет, «раскинуло власть свою до Ормуза» (6). В годы правления шейха Мукрина роль и место Королевства Эль-Джубур в структуре морской торговли в бассейне Персидского залива заметно усилились.

Опрокинули господство джубуритов в Персидском заливе португальцы. Склонив к ногам своим Королевство Ормуз и его доминионы в Нижней Аравии, они перешли к активным действиям в Персидском заливе. У них не остались незамеченными ни настроения шейха Мукрина относительно сохранения доминирующего положения Королевства Эль-Джубур в Восточной Аравии и недопущения туда Португалии, ни его практические шаги в данном направлении, в том числе контакты с турками по выстраиванию военного союза в этих целях. Согласно сведениям, приводимым португальским историком Жуаном ди Баррушом (ок. 1496–1570), автором исторических «Декад Азии», посвященных деятельности Лиссабона в бассейне Индийского океана и в зоне Персидского залива в период с 1497 по 1538 гг., португальцам стало известно об этих контактах. Их агенты доносили, что шейх Мукрин встречался в Мекке с наместником султана в Святых землях и обсуждал с ним данный вопрос. Убеждал, в частности, турок оказать ему помощь в строительстве судов, необходимых для проведения задуманной им

военно-морской кампании против Ормуза (речь шла о *фустасах*, парусниках, наподобие итальянских галер XV–XVI веков, но более быстрых) (7).

Реагировали португальцы на полученные ими сведения жестко и решительно. В конце 1521 г. их военно-морская эскадра выдвинулась с Ормуза. Командовал ею капитан Антонио Коррейя. В состав эскадры входили 7 португальских боевых кораблей с 400 португальскими солдатами. Приданный им отряд ормузцев состоял из 3 000 лучников, размещенных на 200 парусниках. Эскадра попала в шторм и ее изрядно потрепало. Поврежденные парусники возвратились на Ормуз (8).

К схватке с португальцами властелин Королевства Эль-Джубур подготовился. Расставил дозорно-сторожевые посты, морские и наземные, на пути португальцев от Ормуза до Бахрейна. Создал мощный оборонительный рубеж вдоль побережья Бахрейна. Расположил отряды племенных ополчений у Эль-Катифа и на северной оконечности полуострова Катар. Главные силы укрыл за стенами бахрейнского форта. Представлены они были отрядом всадников-бедуинов, численностью в 300 человек, и 11 000 пешими воинами. В схватке с португальцами на стороне арабов принимали участие 20 мушкетеров из Басры и отряд персидских лучников.

Используя огонь палубной артиллерии, португальцы смяли заградительные рубежи аравийцев, проломил стены форта, и, высадив десант, захватили цитадель арабов. Шейх

Мукрин погиб. Смертельно раненый, скончался на поле боя. Дабы уберечь тело шейха Мукрина от надругательств португальцев, арабы племени *бану джубур* попытались под покровом ночи тайно перевезти его с острова на материк, в Эль-Катиф, вместе с отходившими туда остатками своего ополчения во главе с шейхом Хамидом, племянником шейха Мукрина. Однако парусник с телом погибшего шейха перехватил морской сторожевой дозор португальцев. Капитан Антонио Коррейя собственноручно обезглавил бездыханное тело владыки Королевства Эль-Джубур, а отрубленную голову доставил на Ормуз. Там ее выставили на всеобщее обозрение на центральной площади города. За «усмирение Королевства Эль-Джубур и пленение Бахрейна» король Португалии высочайше повелел титуловать своего капитана – Антониа Коррейя Бахрейнским, а герб рода Коррейя пополнить новым элементом – «головой мавра в тюрбане с короной» (9).

Покорив Королевство Эль-Джубур, поставив под свою власть Бахрейн, полуостров Катар и Эль-Катиф, португальцы разместили на побережье Восточной Аравии и на нескольких островах вдоль него дозорно-сторожевые посты. Бахрейн, являвшийся крупнейшим перевалочным пунктом морской торговли между Ормузом и Эль-Убаллой, «торговыми воротами» тех лет в Месопотамию, и служивший также коммерческим мостом, связывавшим Ормуз с Недждом и Хиджазом, португальцы начали активно использовать

для доставки индийских товаров в земли Верхней Аравии и Месопотамии. С Бахрейна и с полуострова Катар стали вывозить, в свою очередь, жемчуг и лошадей чистой арабской породы (в основном в Индию, где они пользовались повышенным спросом) (10).

Следующим «господином» Северо-Восточной Аравии арабские историки называют племя бану халид с «домом власти» в Эль-Хасе. Заложил независимый удел этого племени и установил первенство бану халид в племенной структуре всей Северо-Восточной Аравии легендарный шейх Баррак I.

Родоначальниками крупнейших ветвей племени бану халид, отодвинувшихся в Эль-Хасу в 1557 г., являются, согласно сказаниям аравийцев, потомки прославленного арабского полководца Халида ибн ал-Валида. Сам он принадлежал к клану бану махзум, одному из трех, наряду с бану хашиим и бану 'абд ад-дар, знатных кланов курайшитов, «господ Мекки». Клан ал-махзум, рассказывает А. И. Акрам в своем сочинении «Рыцарь пустыни. Халид ибн ал-Валид», отвечал за военные вопросы в племени бану курайш\ разводил и объезжал лошадей, на которых курайшиты совершали набеги и походы; занимался военной подготовкой мужчин. Когда Пророк Мухаммад умер, Халиду, которого Он нарек Мечом Аллаха, исполнилось 24 года.

Все свои сражения с противниками Халид предварял поединками-единоборствами. Особенно зрелищной в преда-

ниях арабов Аравии фигурирует его схватка с персидским богатырем по прозвищу Хазармард, что значит Могучий, «равный по силе тысяче воинов». Сразив его мечом, пишет арабский историк и богослов ат-Табари (839–923), Халид уселся на грудь перса и приказал подать ему еду (11).

Халид ибн ал-Валид – это военный гений (так характеризует его генерал-лейтенант А. Акрам, один из лучших исследователей военного искусства Халида). Ни в одном из 40 крупных сражений (не считая мелких бесчисленных сшибок и боев) он ни разу не потерпел поражения.

Племя бану халид из неджской конфедерации племен ал-рабиа решительно не приняло сюзеренитет турок, явившихся к ним незвано. Воспротивившись им, говорится в сводах «временных лет» Аравии, обнажили воины бану халид мечи, и потеснили чужаков- османов из земель своих предков.

Году где-то в 1660-м племя *бану халид* под предводительством шейха Ибн ‘Арай’ира (правил с 1651 г.) захватило Эль-Катиф, а в 1670 г. во главе с его сыном, шейхом Барраком I (правил 1669–1682), изгнало турок и из всей Эль-Хасы. Турецкий губернатор этой богатой оазисной провинции, Омар-паша, четвертый по счету после занятия Эль-Хасы османами, «сдался на милость» Барраку I, осадившему его крепость-резиденцию в Эль-Хуфufe, главном городе Эль-Хасы.

Утвердив в Эль-Хасе власть племени *бану халид*, он раздвинул границы своего удела на территории нынешних Ката-

ра (1670) и Кувейта (1680). Восстановил и укрепил все порушенные турками военно-сторожевые посты. Разместил в них дозорные отряды. Построил склады и караван-сарай на перекрестках торговых путей, пролегавших по тамошним землям. «Навел повсюду тишину и порядок». Стал предпринимать набеги на соседние с его уделом земли Неджда, в том числе на Эль-Харадж, Судайр и 'Арид.

Племя бану халид, властвовавшее в Северо-Восточной Аравии на протяжении более 200 лет, выделялось среди других племен Неджда (Наджда у арабов) отменной выучкой воинов, их отвагой и боевым духом. Успешно отражало попытки могучих соперников, вынашивавших планы насчет того, чтобы ущемить права племени бану халид на территориальные владения в данной части Аравии. Примером тому – жесткое противостояние с шарифами Мекки (Макки у арабийцев), которые пытались, и не единожды, подчинить себе племя бану халид. Один из самых кровопролитных походов, предпринятых ими в этих целях, датируется арабскими историками 1581 г. (12).

Вожди племени *бану халид*, повествуют предания арабов Аравии, правили в своих землях справедливо, «по совести и по уму». Твердой рукой удерживали в них «тишину и порядок». Поощряли торговлю, мореплавание и жемчужную ловлю.

Кочевые племена Северо-Восточной Аравии, признававшие верховенство в крае племени *бану халид* и присягавшие

на верность его вождям, обеспечивали безопасное передвижение торговых караванов, ходивших с грузами из прибрежных портов, в том числе из тогдашнего Эль-Кута (Кувейта), в Неджд и Джабаль Шаммар, в Басру, Багдад и Алеппо.

Контроль над племенными вотчинами в их уделе шейхи племени *бану халид* осуществляли из двух «центров власти» в оазисе Эль-Хаса – из городов Эль-Хуфуф и Эль-Мубарраза. Оттуда же они совершали дерзкие набеги (*газу*) на Хиджаз и на земли Южной Месопотамии, на располагавшиеся там города и рынки, где «наталкивались на мечи» воинственного племени *ал-зафир*, сообщает Ибн Бишр, прославленный летописец Неджда и хронист *ваххабитов*.

Во времена властвования в уделе племени бану халид шейха Садуна ал-Хамида (правил 1691–1722), сменившего шейха Мухаммада ал-Хамида (правил 1682–1691), жить в земли этого удела перебралось с его разрешения племя бану 'утуб (выходцы из Неджда). Упомием о нем еще и потому, что оно сыграло ключевую роль в становлении независимых племенных уделов на территориях нынешних Кувейта и Бахрейна во главе с властвующими там и поныне семейно-родовыми кланами Аль Сабах и Аль Халифа соответственно. Сформировали племя бану 'утуб семейно-родовые кланы из племенного союза бану 'аназа, одного из крупнейших и влиятельнейших в Неджде, владевшего 1 млн. верблюдов (13).

Союз этот состоял из трех колен «арабов благородных»,

автохтонов Северной Аравии (14). В каждом из них насчитывалось по 60 тыс. мужчин, способных носить оружие. Воины племени *бану 'аназа* слыли искусными наездниками и лучниками, отличались смелостью и отвагой на поле боя.

Название племени *бану 'утуб* происходит от слова «*ат-та-ба*», что значит «переступить порог». *Бану 'утуб* – это «люди, переступившие порог родных земель» и ушедшие жить, перекочевывая с места на место, в «чужие края» (15). Подтолкнула их к переселению из Неджда, считают такие авторитетные исследователи истории Восточной Аравии, как историк Ахмад Мустафа Абу Хакима и полковник Харальд Диксон, служивший английским политическим агентом в Кувейте, сильная засуха, вызвавшая мор домашнего скота и голод (16). Сказания арабов Аравии гласят, что, «лишившись божьей милости», дождя, многие племена Неджда вынуждены были оставить родные земли.

Покинув Эль-Афладж и Вади-эль-Хадар, места их обитания (*дайры*) в Неджде, семейно-родовые кланы племени *бану 'утуб*, собравшиеся впоследствии в Кувейте, мигрировали вначале в долину Эль-Давасир, где рассчитывали найти пастбища для скота. Ожидания их не оправдались, и они отодвинулись на полуостров Катар. С разрешения шейха Мухаммада ал-Мусаллама, вождя племени *ал-мусаллам*, управлявшего тем краем от имени шейха племени *бану халид*, поселились в районе нынешней Зубары. Занялись там новым для них делом – рыболовством и «жемчужной охо-

той». Научились строить суда. Прожили в Катаре более 40 лет. Затем племена *бану 'утуб* и *ал-мусаллам* сильно повздорили. По словам историков, – из-за разногласий по вопросу о выплате дани. И тогда, теснимые племенем *ал-мусаллам*, семейно-родовые кланы племени *бану 'утуб* «разошлись оттуда на своих парусниках по разным сторонам» (конец 1700 г.). Одни из них направились в Южную Месопотамию, и осели в районе Басры. Другие перебрались в земли персов, в том числе в Абадан, а также на остров Кайе (Киш у персов). Третьи проследовали на северо-восток Прибрежной Аравии.

Те кланы племени *бану 'утуб*, что отодвинулись с полуострова Катар в район Басры, занялись сопровождением торговых караванов, ходившие в Багдад, Эль-Хасу и Алеппо, а также перевозкой грузов морем между Басрой и Бахрейном. Одновременно с ними переместились в район Басры и те семейно-родовые кланы племени *бану 'утуб*, избравшие в свое время местом проживания Бахрейн. Схлестнувшись там с племенем *ал-хувал-ла* и опасаясь актов кровной мести с их стороны, они покинули Бахрейн и присоединились к соплеменникам, обосновавшимся в землях Южной Месопотамии (17).

Первое письменное упоминание о племени *бану 'утуб*, как следует из работ кувейтских историков, содержится в депеше (датируется 1701 г.) губернатора Басры Али-паши (управлял городом в 1701–1705 гг.) турецкому султану. В

ней говорится о присутствии «арабов Неджда» в лице племени *бану 'утуб* в местечке Мехран, что неподалеку от Басры, и об их «неодобренном им желании» поселиться в самой Басре (18). Сообщается, что племя это насчитывало тогда примерно 2 тысячи человек и владело 150 парусниками.

Впоследствии с разрешения шейха племени *бану халид* около 200 семейно-родовых кланов племени *бану 'утуб* осели в Эль-Куте (нынешнем Кувейте) (19). Произошло это году где-то в 1710-м. Причиной, подтолкнувшей *бану 'утуб* к уходу «чуть подальше от беспокойной Басры», отмечает в своем исследовании Б. Дж. Слот, послужила сумма обстоятельств-происшествий, а именно: разрушение Басры наводнением в 1704 г.; ее тотальный грабеж племенем *мунтафиков* в 1706 г.; и недозволение турок на жительство *'у тубам* в самой Басре (20).

Небольшую летнюю резиденцию со сторожевой башней в месте рыболовецкой стоянки на берегу бухты, где располагается сегодня столица Кувейта, заложил в 1680 г. упоминавшийся уже нами вождь племени бану халид шейх Баррак I. В прилегавших к ней и как бы опоясывавших ее нескольких строениях он расквартировал сторожевой отряд, контролировавший передвижение караванов между Эль-Хасой и Басрой. Со временем вокруг резиденции-форта шейха выросло поселение, положившее начало образованию нынешнего государства Кувейт (21).

В выстроенной им крепости-резиденции Баррак I хранил

продовольственные и оружейные запасы, а во время летнего пребывания там «вершил суд»: «разбирал обиды» и решал споры обитавших в округе племен.

Поселение, возникшее у крепости, и всю местность Крейн (Грейн у европейцев) вокруг него бедуины именовали Ку-вейтом (имя уменьшительное от слова «кут», что значит небольшое сооружение с оборонительными стенами в целях защиты от нападений, иными словами, – «крепостца»). Так на карте Аравийского полуострова появился Эль-Ку-вейт, столица одноименной, богатейшей в наши дни монархии Аравии, управляемой семейно-родовым кланом Аль Сабах.

Словом «кут», к сведению читателя, бедуины называли только то укрепленное строение, что располагалось вблизи воды: реки или моря, озера или болота (22).

После смерти шейха Баррака I (1682) власть в уделе племени *бану халид* перешла, напомним, в руки его брата, шейха Мухаммада ибн 'Арай'ира ал-Хамида (правил 1682–1691). Как и его предшественник, он подумывал о том, чтобы сделать из поселения Эль-Кут «маленькую Бассору» (Басру) на побережье Залива. И поэтому всячески способствовал развитию тамошней торговли.

Той же линии придерживались и его преемники – шейхи Са'дун ибн Мухаммад (правил 1691–1722) и 'Али ибн Мухаммад (правил 1722–1736).

Со временем неподалеку от Эль-Кута, в Зубаре, что на

полуострове Катар, появилось еще одно владение племени бану 'утуб. Основал его семейно-родовой клан Аль Халифа, отодвинувшийся туда в 1766 г. из Эль-Кута. Перебравшись со временем на Бахрейн (1782), катарское крыло бану 'утуб, возглавляемое шейхами из семейства Аль Халифа, образовало там независимое шейхство (княжество) Бахрейн.

Управление землями на самом полуострове Катар в годы миграции туда семейно-родового клана Аль Халифа находилось в ведении рода ал-Мислим из племени *ал-джубур*, всесельного некогда, как уже упоминалось в этой книге, хозяина Восточной Аравии. Катар принадлежал в то время племени *бану халид*.

Удел племени бану халид в Северо-Восточной Аравии, повествует кувейтский историк Ахмад Мустафа Абу Хакима, был богат жемчужными отмелями. Располагал двумя крупными, стратегически важными для всего района портами: Эль-Укайр и Эль-Катиф, что в провинции Эль-Хаса. Они играли заметную роль в поставках индийских, персидских и африканских товаров в Центральную Аравию, а также в тогдашние владения Османской империи как в самой Аравии, так и в Южной Месопотамии, и в Сирии. Активно подключилось к торговле края и племя бану 'утуб, пришедшее в земли нынешнего Кувейта в начале XVIII века. Тогда-то тамошний удел их и стал фигурировать в речи купцов и мореходов «торговой гаванью» и «морскими воротами» Внутренней Аравии.

Хотя племя *бану халид* владело многими портами в Северо-Восточной Аравии, «морским народом», по выражению прибрежных арабов, оно так и не стало. Вопросами «морского извоза» (перевозкой грузов по морю), строительством судов и обслуживанием портов занимались находившиеся под защитой племени *бану халид* и платившие ему дань племена, непосредственно проживавшие в тех местах, в том числе и племя *бану 'утуб*. Крупные морские флотилии, к слову, имелись в то время у легендарного племенного союза *кавасим* (резиденция верховного шейха располагалась в Ра'с-эль-Хайме) и у султана Маската.

Смерть шейха Садуна (1722) обернулась острой схваткой за власть. Верх в ней одержал шейх 'Али ибн Мухаммад (правил 1722–1736). Будучи человеком энергичным, он какое-то время удерживал в подчинении племя *бану халид* и земли своих вассалов в Северо-Восточной Аравии, в том числе и в Эль-Куте (Кувейте). Вместе с тем, трещина, появившаяся в монолите единства и сплоченности племени *бану халид*, стала понемногу расплзаться, что и пошатнуло власть *бану халид* в подконтрольных ему землях Северо-Восточной Аравии. Вожди крупных племен, формально сохраняя лояльность племени *бану халид*, все больше и больше на деле демонстрировали настроенность на обретение независимости.

В 1729 г. шейх 'Али ибн Мухаммад назначил одного из своих родственников главой паломнического каравана, шед-

шего из Эль-Хасы в Мекку с пилигримами из числа местного населения и жителей Катара и Бахрейна. При передвижении по территории Неджда караван подвергся нападению со стороны племени *бану мутайр*. *Хаджжиев* нещадно ограбили. Во время стычки полегло много паломников из знатных семейств в Эль-Катифе и на Бахрейне (23).

Нападение на богатый паломнический караван, находившийся под защитой племени *бану халид*, племя-налетчик осмелилось совершить, полагая, что набег этот останется безнаказанным. Основанием для такого предположения послужили распри, сотрясавшие тогда, после смерти шейха Са'дуна (властвовал 1691–1722), правящее семейство племени *бану халид*, распавшееся на два противостоявших друг другу крыла, жестко соперничавших за власть.

Сюзеренитет *бану халид* простирался на земли от Эль-Хасы до самой Басры. Находились под ним и несколько *дайр* (мест традиционного обитания племен) в Неджде. Дело в том, что до 1745 г., то есть до начала действий эмиров Эль-Дир'ийи из династии Аль Са'уд по расширению границ своих владений, шейхи крупных племен Неджда являлись самостоятельными, независимыми правителями, со своими «центрами власти». Многие из них владели в оазисе Эль-Хаса богатой недвижимой собственностью – финиковыми садами. Шейху Эль-'Уй'айна, к примеру, сообщает кувейтский историк Ахмад Мустафа Абу Хакима, принадлежала там пальмовая роща, приносявшая ежегодный доход в 60 тысяч зо-

лотых *риалов* (24). Этим, говорит он, и объяснялось большое влияние вождей племени *бану халид* среди шейхов целого ряда провинций в Неджде.

Ярким примером тому – странички из жизни Мухаммада ибн ‘Абд ал-Ваххаба, основателя *ваххабизма*, религиозно-политического течения в исламе, о котором мы еще обстоятельно расскажем читателю в следующей части этой книги. Когда группа его последователей в Эль-‘Уй’айне, где он развернул свою деятельность, начала на практике применять проповедуемые им нормы жизни и поведения, в том числе забивать камнями женщин, заподозренных в супружеской неверности, то их действия не пришлись по душе тамошней торговой элите. И они обратились к своему шейху, ‘Усману ибн Му’аммару, с просьбой «угомонить *ваххабитов*». Не найдя у него понимания и поддержки, «стали искать помощи» у шейха Сулаймана (правил 1736–1752), племянника шейха Баррака I и тогдашнего вождя племени *бану халид*, который, как они знали, имел влияние на шейха ‘Усмана. Поскольку шейх Сулайман покровительствовал торговцам, то недвусмысленно дал понять шейху Эль-‘Уй’айна, что ежели тот не приструнит Ибн ‘Абд ал-Ваххаба и продолжит защищать его, то это может сказаться на тех доходах, что он получает из Эль-Хасы. Намек шейх понял – и вскоре Ибн ‘Абд ал-Ваххаб покинул Эль-‘Уй’айн, перебрался в Эль-Дир’иййу, в удел Саудов, где и укрылся. Это, в свою очередь, явилось впоследствии одной из причин острого противосто-

яния *ваххабитов* с племенем *бану халид*, закончившегося в 1795 г. захватом *ваххабитами* Эль-Хасы (25).

Надо сказать, что отношение горожан и кочевников Эль-Хасы к населению Неджда было в целом теплым и дружественным. Неджд и Эль-Хасу населяли арабы *Аднани*, племена коренных народов Северной Аравии. Род правителей Эль-Хасы из племени *бану халид* принадлежал к колену *раби А*, одной из могущественных ветвей арабов *Аднани*. Когда в Неджде случались засухи, а происходило это довольно часто, то племена Неджда, как гласят их сказания, «укрывались от зноя и голода» в Эль-Хасе, богатой пастбищами, финиковыми деревьями и огородами. Страшная засуха 1722 г., сообщают хронисты Неджда, буквально вымела оттуда все его население. Места для всех пожелавших укрыться в Эль-Хасе не хватило, и многие племена ушли в окрестности Басры и в другие земли Двуречья.

Узы *Аднанитов*, связывавших *бану халид* с племенами Неджда, несколько, однако, не сдерживали их от набегов (*газу*) на земли Неджда, в том числе на удел Саудов с центром в Эль-Дир'ийе. К середине XVIII в. племя *бану халид*, «хозяева северо-восточного угла Аравии», повествуют арабские источники, представляло собой главного соперника Дир'ийского эмирата, сделавшегося «центром силы» Неджда. В случае объявления войны племя *бану халид* могло выставить под седлом 30 тысяч воинов (26).

В начале 70-х годов XVIII столетия племя *бану халид* со-

вершило очередной дерзкий набег на Неджд. Захватило и разграбило Бурайду в провинции Эль-Касим, что посреди Аравийского полуострова. Правители оазисов Неджда склонялись уже к тому, чтобы признать над собой власть *бану халид*. Но именно в это время оборвалась жизнь шейха Са'дуна (правил 1691–1722), воинственного предводителя племени *бану халид*. Среди племенной верхушки произошел раскол, и схватка за власть поколебала сюзеренитет *бану халид* в Северо-Восточной Аравии.

Следует отметить, что пикировка и грызня, как в самом правящем семействе, так и среди племенной элиты, сотрясали, то и дело, племя *бану халид*. Очередная «внутриплеменная лихорадка», как называли бедуины тяжбы и раздоры между кланами, завершились в 1752 г. изгнанием из Эль-Хасы шейха Сулаймана (правил 1736–1752). Он перебрался в Эль-Харадж, где в том же году и умер. Империя *бану халид* ослабла, как никогда прежде, и затрещала по швам. Следствием всего этого стало обособление от *бану халид* и обретение большей самостоятельности целым рядом подвластных ему племен, в том числе и племенем *бану 'утуб* в землях нынешнего Кувейта.

Годы правления шейха 'Арашира ибн Дуджайна ибн Са'дуна, возглавившего племя *бану халид* в 1752 г., ознаменовались нескончаемой чередой войн с ваххабитами.

В 1758 г. он предпринял поход против Эль-Дир'ийи, «логова ваххабитов», но взять город так и не смог.

В 1762 г. *ваххабиты* совершили ответный набег на Эль-Хасу, центральную область удела *бану халид*. Хотя их и оставили, и отбросили, но они отчетливо продемонстрировали свои намерения и цели, равно как и возросшую консолидацию сил и возможностей. Двамя годами позже, в 1764 г., дважды пытался захватить Эль-Дир'ийю, столицу *ваххабитов*, шейх 'Арай'ир ибн Дуджайн ибн Са'дун, вождь племени *бану халид*. Однако сделать это не смог, что также свидетельствовало о грядущих изменениях в расстановке сил среди племен Верхней Аравии (27). В 1774 г. шейх 'Арай'ир скончался.

Вождем племени *бану халид* стал шейх Са'дун II (правил 1774–1786). Именно в этот период времени эмират *ваххабитов*,кратно окрепнув, установил власть свою над всем Недждом. К 1780-м годам захватил почти всю Центральную Аравию, после чего нацелился на Эль-Хасу, оплот племени *бану халид*. Первый после 1762 г., рекогносцировочный, если так можно сказать, наскок на Эль-Хасу эмир Са'уд принял в 1784 г. (в ответ на набег шейха Са'дуна на Эль-Касим в 1782 г.). Начиная с этого времени, «узрев немощь племени *бану халид*», начал планомерно раздвигать границы своего эмирата в сторону прибрежных арабов.

В 1788 г. эмир 'Абд ал-'Азиз при поддержке Ибн 'Абд ал-Вах-хаба основательно укрепили фундамент власти Саудов в заложенном ими эмирате, – установили в нем наследственное право на трон. И привели к присяге шейху Са'уду (сы-

ну эмира 'Абд ал-'Азиза), как наследному принцу, население всех городов и провинций эмирата.

В 1791/92 г. шейх Са'уд вторгся в земли Северо-Восточной Аравии и захватил Эль-Катиф, а его военачальник Сулайман ибн 'Уфайсан предпринял очередной бросок на Катар. К 1795 г. племя *бану халид*, окончательно поверженное *ваххабитами* и навсегда вычеркнутое ими из списка «центров силы» Восточной Аравии, полностью утратило свою власть над этим районом Аравийского полуострова и сошло с политической сцены «Острова арабов» (28). Независимый удел племени *бану халид* в оазисе Эль-Хаса с подконтрольными ему землями и племенами в Центральной и Северо-Восточной Аравии просуществовал с 1557 по 1795 гг., и пал под натиском *ваххабитов*. Последний вождь этого племени вошел в анналы истории арабов Аравии введенным им законом, приговаривавшим человека, «посягнувшего» на яйцо *хубары* (дрофы), к смертной казни.

В 1795 г. *ваххабиты*, овладев Эль-Хасой, вышли к побережью Персидского залива. Их «продвижение на восток» имело целью получить доступ к портовым городам, через которые индийские и европейские товары поступали в Неджд (29).

В 1795 г. *ваххабиты* организовали поход на Зубару, что на территории полуострова Катар. Командовал их войсками генерал Ибрахим ибн 'Уфайсан, выигравший схватку с племенем *бану халид* за Эль-Хасу и назначенный эмиром

‘Абд ал-‘Азизом Аль Са’удом губернатором этой богатой восточной провинции. Многие жители Эль-Хасы, в том числе Баррак ‘Абд ал-Мухсин и Дувайхис, два последних лидера племени *бану халид*, поверженные *ваххабитами*, бежали и укрылись в Зубаре, тесно связанной с Эль-Хасой. Это обеспокоило *ваххабитов*. Они полагали, что семейно-родовые кланы племени *бану халид* во главе с их старейшинами и вождями, отодвинувшись в Зубару, могут объединиться с зубарцами и союзными им племенами на полуострове Катар и начать действовать, чтобы вернуть Эль-Хасу. И поэтому решили поставить Зубару под свой контроль, и как можно скоро. Взять город *ваххабитам* удалось, как отмечает историк Абу Хакима, отрезав его от источников пресной воды. Колодцы, снабжавшие Зубару питьевой водой, располагались в полутора *фар саках* (10–12 км) от города. Путь между колодцами и Зубарой охраняли несколько дозорно-сторожевых постов. Зубарой *ваххабиты* овладели. Но вот поживится там им оказалось нечем. Военной добычи (*гана’им*), на которую они так рассчитывали, чтобы расплатиться ею и с участниками похода, и пополнить казну (*бейт-эль-маль*) своего эмира, они там не захватили. Дело в том, что, оставив Зубару под покровом ночи перед ее решающим штурмом *ваххабитами* и уйдя морем во главе с шейхом Сальманом ибн Ахмадом Аль Халифой на Бахрейн, торговцы и другие жители города прихватили с собой и все накопленные ими богатства. Перебравшись из Зубары на Бахрейн, шейх Сальман

поселился в выстроенной им, хорошо укрепленной цитадели в южной части острова, в Эль-Джаве, – специально для надзора за действиями *ваххабитов* на полуострове Катар.

Угроза Зубаре со стороны *ваххабитов* стала просматриваться уже в 1780 г., когда они начали предпринимать регулярные набеги на племя *бану халид* в Эль-Хасе. Служа убежищем для жителей Эль-Хасы, покидавших свои земли из-за насилий, чинимых *ваххабитами*, род Аль Халифа в Зубаре вызывал этим сильное раздражение у *ваххабитов*, равно как и род Аль Сабах в Кувейте, также укрывавший у себя беженцев из Эль-Хасы. Обостряло злобу *ваххабитов* в отношении уделов *‘утубов* в Зубаре и Кувейте и то, что они решительно воспротивились их действиям в Северо-Восточной Аравии. И особенно чинимым ими и их союзниками грабежам караванов, разбоям на море и захватам судов, что крайне негативно сказывалось на торговых делах Зубары и Кувейта, их доходах от морской и караванной торговли. И *ваххабиты* решили, что, как только представится возможность, они «силой меча» подведут уделы *бану ‘утуб* под свою власть.

Враждебную настроенность *ваххабитов* против уделов *бану ‘утуб* в Зубаре и Кувейте порождало и само учение *ваххабитов*, призывавшее своих последователей вести бескомпромиссные войны со всеми теми, «в уделах которых бытуют *ширк* и *бида*». Иными словами, с теми, в землях которых, помимо мусульман, проживают еще и христиане, и

иудеи, и огнепоклонники, где наличествуют свобода вероисповеданий и разного рода новшества и нововведения, не освященные Кораном, а значит – недозволенные. Бахрейн еще до подпадания его в 1783 г. под власть рода Аль Халифа, *ваххабиты* вообще объявили «землей *ширка*» и «уделом *рафидитов*», как они называли властвовавших там в то время персов-шиитов.

Алчные аппетиты *ваххабитов* в отношении обоих уделов племени *бану 'утуб* в Кувейте и Зубаре подпитывали богатства этих крупных и динамично развивавшихся рынков Персидского залива. Объявив членов племени *бану 'утуб муширкинами*, приверженцами *ширка*, *ваххабиты* вывели их имущество из-под защиты закона и сделали своей потенциальной добычей. Богатства же крупных и влиятельных семейно-родовых кланов племени *бану 'утуб*, составлявших, по выражению *ваххабитов*, «основу процветания уделов *ширка*», – именовали добычей, перво-наперво подлежащей изъятию.

Следует сказать, что Зубара, как порт беспошлинной торговли, привлекал к себе всеобщее внимание, в том числе торговцев Эль-Катифа и Эль-'Укайра. Если Эль-'Укайр обеспечивал продовольствием и другими товарами Эль-Хасу, то Эль-Катиф снабжал ими центральные города Наджда (Неджда) – Эль-Дир'ийю, Эль-Рийад (Эр-Рияд) и Манфуху (30).

Забрав в 1795 г. в свои руки, вслед за Эль-Хасой, и земли на полуострове Катар, *ваххабиты* обязали шейхов всех оби-

тавших там племен и особенно тех, кто управлял городами и поселениями на побережье, вовлеченными в жемчужный промысел и морскую торговлю, платить им дань.

Под натиском ваххабитов племена Северо-Восточной Аравии, стали становиться, согласно древнему обычаю аравийцев, под защиту этого нового крупного «центра силы» Верхней Аравии. Издревле такими считались либо самое могучее в том или ином крае Аравии племя, либо самое авторитетное и сильное в военном отношении в той или иной части Аравии шейхство. До *ваххабитов* таковыми в Северо-Восточной Аравии выступали Королевство Эль-Джубур и племя *бану халид*. «Защитник» брал с «подзащитного» дань. Того, кто платил ее добровольно, «защитник» рассматривал как часть своего племени, а *дайру* (место обитания) либо удел (шейхство) данника, – как часть своей территории. Всеми делами на местах по-прежнему заправляли шейхи-данники (31).

Заключая договор о защите, стороны согласовывали размер дани. Формы ее были разными: фиксированная сумма золотых или серебряных монет; доля от ежегодных таможенных сборов; часть от сезонного урожая фиников; оговоренное количество голов верховых животных (лошадей и верблюдов). Некоторые «защитники» брали дань «живой силой»: по требованию своего «защитника» данник выделял ему установленное договором количество мужчин с оружием – для участия в организуемых им набегах на несоюзные

племена или в походах в «чужие земли».

Дань называлась словом «хува», смысл которого – «братский/добровольный платеж в обмен на защиту» (32). Когда же одни племена силой накладывали дань на другие, то те, которых «ставили на колени», делались вассалами; права и свободы таких данников серьезно ущемлялись.

Обычай «предоставления защиты», известный среди племен Аравийского побережья как «дахала» (смысл слова – защита ищущего убежища и укрытия), – это священная традиция и канон жизни аравийцев прошлого. Если у кого-либо возникали претензии к подзащитному, то он должен был предъявлять таковые его «защитнику» (33). Встав под защиту более сильного племени подзащитный оказывался, как тогда говорили, под «сенью чести» своего «защитника».

Именитые путешественники-портретисты Аравии прошлого, посещавшие Неджд, отмечали, что этот район Северной Аравии был известен не только своими лошадьми чистой арабской породы, но и богатым животным миром. Там обитали дикие козы и кабаны, газели и зайцы, быки и антилопы, и даже страусы. Кстати, мясо страусов в племенах Древней Аравии считалось деликатесом. Страусиные перья и кожи нарасхват раскупали торговцы Дамаска и Багдада. За одну кожу страуса, сообщает С. Цвемер, давали сумму, равняющуюся 40 американским долларам. Половинка маленькой кофейной чашечки (финджана) со страусиным жиром (его использовали в Аравии как лекарство) стоила половину

турецкого *меджидие*. Пучком страусиных перьев украшали копье шейха. Копье с перьями страуса, воткнутое у в хода одного из шатров на становище племени, означало, что шатер этот – жилище шейха и «дом власти» племени. Бедуины Аравии, рассказывает известный российский востоковед Н. П. Остроумов, называли страуса «верблюдом в царстве птиц» (34).

Гордостью бедуинов Неджда вообще и Джабаль Шаммара в частности были лошади чистой арабской породы. Слава о них гремела по всему миру. Закупать лошадей приезжали в Джабаль Шаммар торговые агенты-представители правящих династий практически всех крупных держав Европы, включая Российскую империю. Лошадь, сказывали бедуины, понимает все, как любой человек, потомок Адама, и не достает ей лишь языка (35).

Особое отношение у недждийцев, да и у других аравийцев, по словам всех известных путешественников-исследователей Аравии, притом повсюду, и в городах, и в селах, – к журавлю и аисту. В Аравии до сих пор бытует поверье, что журавль и аист – это принявшие облик птиц души переселившихся в Рай добрых людей. В сезон их миграции они прилетают, дескать, вместе с ними на «Остров арабов», чтобы, обернувшись на время в людей, пожить среди них и согнать грусть-тоску по родным землям. Посягать на аистов и журавлей, «почтальонов добрых вестей и хороших предзнаменований в семейной жизни», как их величают арабы Аравии,

нельзя. Журавлей и аистов, умирающих во дворах жилищ аравийцев, они обязательно хоронят под кронами деревьев.

А вот реакция арабов Аравии и особенно жителей Неджда на ворона – прямо противоположная. Появление ворона при выходе из дома местные жители там до сих пор воспринимают как знак грядущего бедствия и разлуки. По одной из легенд, первой птицей, которую Нух (Ной) выпустил с ковчега, чтобы она осмотрелась вокруг на предмет обнаружения суши, был не голубь, а ворон. Так вот, покинув ковчег, он на него не вернулся. С тех самых пор арабы Аравии, ведущие свое начало от Сама (Сима), сына Нуха (Ноя), считают ворона «недобрым предвестником». В прошлом с вороном в тамошних племенах связывали предзнаменования о «скитальчестве и долгом расставании с родными землями».

Часть II

Эмират Эль-Дир'ийа: Первое саудовское государство (1744–1515) События в истории

Основал эмират Эль-Дир'ийа семейно-родовой клан Аль Са'уд. Прародителем клана хронисты Неджда (Неджда) называют Мани а ибн Раби а ал-Мурайди. Переселился он со своим кланом Мруда в земли, ставшие именоваться впоследствии Эль-Дир'ийей, в 1446/1447 году. Клан Мруда – выходцы из конфедерации племен бану рабиа (принадлежали к ветви бану ханифа). Издревле клан этот обитал в районе Эль-Хаса, неподалеку от Эль-Катифа. Перебрался Мани'а ал-Мурайди со своим семейно-родовым кланом на новое место жительства по приглашению его родственника, Ибн Дира, правителя нескольких поселений и владельца крупных поместий в том районе, где располагается сегодня Эр-Рийад (Эр-Рияд). Ибн Дир принял Мани'а тепло и радушно, и передал в его управление два поместья – Эль-Мулайбид и Гусайба. Поселившись там, в районе Вади Эль-Ханифа, Мани'а нарек новое место оседлости его клана Эль-Дир'ийей – в честь Ибн Дира. Со временем оно превратилось в одно из ключевых поселений Неджда. След-

ствие борьбы за власть в Эль-Дир'ий-йе, вспыхнувшей среди нескольких ветвей в клане Мруда, одна его ветвь ушла в соседнюю Дхруму, а другая (ал-Ватбан) – в Зубайр, что на юге Ирака. В Эль-Дир'ийе стала главенствовать (с 1720 г.) ветвь ал-Мукрин во главе с шейхом Са'удом ибн Мухаммадом ибн Мукрином (ум. в 1725 г.).

Его сын, шейх Мухаммад ибн Са'уд, заложил эмират Эль-Дир'ийя, известный в истории Аравии как Первое саудовское государство (1744–1818). Властвовал в нем с 1744 по 1765 гг., и считается основателем династии Аль Са'уд, правящей в Королевстве Саудовская Аравия. У шейха Мухаммада было трое братьев: Сунайан, Фархан и Мишари.

Заметную роль в становлении эмирата Эль-Дир'ийя и Первого саудовского государства сыграл Мухаммад ибн 'Абд ал-Вах-хаб (род. 1703/04 – ум. 1792), образованный богослов, основатель течения ортодоксального ислама, проповедовавшего возврат к «первоначальной чистоте ислама» времен Пророка Мухаммада и выступавшего за искоренение всех новшеств и нововведений (*бида*). Стержень его учения – представление о единобожии (*таухид*), согласно которому только Аллах, единственный Творец всего живого и неживого на земле, достоин поклонения людей, и никто другой. Кодекс поведения истинных мусульман, говорили *ваххабиты* (сами себя они звали «единобожниками»), – это Аль-Ку'ран (Коран). Все, что не разрешено им, – запрещено. Всякий, кто не придерживался убеждений *ваххабитов*, являлся,

по их мнению, «недругом Аллаха». Ограбить и даже убить такого человека, считали они, было не только можно, но и должно.

Члены секты *ваххабитов* выделялись среди других жителей Неджда их внешним видом: головы свои они брили наголо, бороды носили нерасчесанные, штаны подворачивали. Намеревались будто бы даже ввести неслыханную до толе в Аравии традицию для женщин – обязать их состригать волосы на голове, то есть лишить женщин символа их красоты и женственности, воспетого столпами древней арабской поэзии. Предания гласят, что в ответ на это женщины, сговорившись, потребовали, чтобы в таком случае и *ваххабиты-мужчины* отказались от символа мужской красоты – сбрили бороды. И женщин оставили в покое.

Родился Мухаммад ибн ‘Абд ал-Ваххаб в Наджде (Неджде). Принадлежал, как указывал в своих информационно-справочных материалах российский дипломат-востоковед Александр Алексеевич Адамов (1870-?), к «неджским бедуинам из племени *бану тамим*». Раннее религиозное воспитание получил от своего отца, ‘Абд ал-Ваххаба ибн Сулаймана, *кади* (судьи) поселения Эль-‘Уй’айн. С детства, со слов летописца Ибн Ганнама (ум. 1811), автора «Истории Неджда», «проявлял большие способности». К десяти годам уже выучил наизусть Коран. Достигнув зрелости и женившись, совершил паломничество в Мекку. Два месяца провел в Медине. Много путешествовал. В течение 20 лет стран-

ствий побывал в Эль-Хасе, Басре и Багдаде (прожил в этом городе пять лет и женился на богатой женщине, оставившей ему в наследство после смерти 2 тыс. *динаров*), Куме и Исфахане, Курдистане и Хамадане, Алеппо, Халебе и Дамаске, Иерусалиме и Каире, Суэце, Йанбуа' (Янбо) и Бурайде. Обучался в религиозных школах Басры, Багдада и Дамаска. «Искал поддержку своему учению» среди знатных и влиятельных лиц в Сирии и Ираке. «Непризнанный в Дамаске и изгнанный из Бассоры [Басры] и Багдада», возвратился в Неджд. Поселился в оазисе Хураймала, куда отец его перебрался в 1726/27 г. после ссоры с новым правителем Эль-'Уй'айна, где и стал проповедовать свое учение. Выступал «за очищение ислама от поздних нововведений и наслоений». Осуждал роскошь, стяжательство и жадность. После смерти отца (1740/41) занимал его должность судьи (*кади*). В Хураймале его чуть не убили, и он возвратился в Эль-'Уй'айну. Будучи выдворенным и оттуда, подался в Эль-Дир'ийю (1744/45 г.). Там-то и обрел покровителя в лице шейха Мухаммада ибн Сауда. В нем Ибн 'Абд ал-Ваххаб нашел не только сильного покровителя, но и стойкого приверженца своего учения (шейх Мухаммад женился на дочери Ибн 'Абд ал-Ваххаба). Актом официального признания учения Ибн 'Абд ал-Ваххаба семейно-родовым кланом Аль Са'уд явилось вручение главой этого клана почетного меча Ибн 'Абд ал-Ваххабу. Так, сообщают хронисты Неджда, и сложился «союз *мазхаба* [религиозного толка] и меча»; союз, в кото-

ром объединились влияние религиозного реформатора с военной силой и властью эмира. Мухаммад Аль Са'уд поклялся распространять *таухид* (единобожие) в землях Аравии, а Мухаммад ибн 'Абд ал-Ваххаб – не вступать в союз ни с кем другим из аравийских эмиров.

К сведению читателя, меч в культуре арабов Аравии прошлого занимал почетное место. Его клали в могилу вместе с телом погибавшего на поле брани воина. Мои ближайшие друзья и товарищи в набегах, говорил бедуин, – это быстроходный верховой верблюд и обоюдоострый меч. Особо почитались мечи, освященные Пророком Мухаммадом. Такие мечи считались в Аравии приносящими их владельцам удачу в схватках и сражениях. Ими Он лично награждал своих сподвижников и военачальников за проявленные ими мужество и храбрость в битвах за веру. Награды Пророка за доблесть во имя веры в форме меча непременно летописцами фиксировались, а «судьбы» самого оружия внимательно ими прослеживались. Один из таких мечей носил 'Али ибн Аби Талиб, последний из четырех «праведных» халифов, зять Пророка Мухаммада, муж Его дочери Фатимы. Впоследствии по примеру Пророка Мухаммада халифы из династий Омейядов ('Умаййидов, 661–750) и 'Аббасидов (750-1258), а также эмиры племенных уделов в Аравии «отличали» мечами, как тогда выражались, своих полководцев, а обменами таким оружием скрепляли союзы, межплеменные и военные (1).

Что касается упомянутого выше племени *бану тамим*, к

которому принадлежал Мухаммад ибн ‘Абд ал-Ваххаб, то с этим племенем связан один интереснейший эпизод в истории ислама времен его утверждения в племенах Аравии, получивший название «чернильной войны». Дело было так. Знатное и гордое племя *бану тамим*, славившееся своими третейскими судьями, решений которых в племенах Аравии не оспаривал никто, не захотело платить мусульманам *джизью* (подушную подать за покровительство) и прогнало сборщиков налогов. В ответ на это прибывший отряд мусульман взял у них заложников и увел в Медину. *Тамимиты* отправили к Пророку Мухаммаду делегацию с просьбой освободить соплеменников. По обычаю тех лет, состояли в ней и известные «златоусты», то есть поэты и ораторы. Прибыв в Медину, они ежедневно стали хаживать на центральную площадь города, декламировать стихи и произносить зажигательные речи в защиту своих собратьев по роду и племени. Каждое их выступление заканчивалось словами-обращениями к мусульманам, суть которых сводилась к вызову их на «поединок речи». Дело в том, что, по традиции предков, схваткам на мечях в те времена непременно предшествовали «схлестки на словах».

Мусульмане, хочешь не хочешь, вызов приняли; ведь дело касалось их чести и свято чтимых традиций. Так и разразилась сохранившаяся в преданиях и сказаниях арабов Аравии «война златоустов» или «чернильная война». Победенными в ней признали себя *тамимиты*, притом открыто, во

всеуслышание. Такое благородное поведение *тамимитов*, а главное – сам способ урегулирования споров и разногласий, без жертв и крови, настолько пришелся по душе Пророку Мухаммаду, что Он распорядился не только тотчас же освободить заложников, но щедро одарить *тамимитов*.

Эль-Дир'ийя, где обосновался Мухаммад ибн 'Абд ал-Ваххаб, была одним из эмиратов области 'Арид. Среди других ее центров (с «домами власти») хронисты называют: Джубайл; Абу Кибаш – «колыбель» рода Аль Са'уд; Эль-'Уй'айн, центр всей этой области, границы которой со времени распада в XI в. Государства *карматов* и до прихода в Аравию турок простирались до Эль-Хасы; и Эр-Рияд.

Члены клана, их союзники и сторонники именовали себя *муваххидунами* и *агль ат-таухид*, то есть народом-приверженцем единобожия (*таухид*). Однако в племенах Аравии их стали звать *ваххабитами*, последователями учения Ибн 'Абд ал-Ваххаба. Они осуждали культ святых, которым поклонялись в то время арабы Аравии. Говорили, что святым нужно оказывать уважение, но не поклоняться. Выступали против обожествления Пророка Мухаммада, которого считали обыкновенным человеком, выбранным Аллахом для пророческой миссии.

Следует, думается, рассказать и о том, что, жительствуя в Эль-'Уй'айне, откуда его впоследствии выслали, Ибн 'Абд ал-Ваххаб, обладавший «искусством слова», «мастерством убеждать и покорять сердца людей», завоевал доверие та-

мошного эмира, шейха ‘Усмана ибн Хамада ибн Му’аммара. Убедил его в том, что, занявшись вместе с ним распространением единобожия, он смог бы объединить бедуинов Неджда и завладеть всем этим краем.

Предложение Ибн ‘Абд ал-Ваххаба пришлось эмиру ‘Усману по душе. Вместе они принялись уничтожать местные тотемы и святилища. Покончив с ними, двинулись на Джубайл, что в 25 милях от Эр-Рияда, и разорили *куббы* (надгробные купола) гробниц местных святых. Ибн ‘Абд ал-Ваххаб собственноручно срубил священное дерево, у которого жители просили благословения. Дерево это особо почиталось женщинами. Они величали его заступником-покровителем девушек, вдов и беременных, страстно желавших родить сыновей. Когда, будучи срубленным, оно упало на землю, повествуют сказания арабов Неджда, то страшный удар от падения его отозвался эхом и в самом ущелье Вади Эль-Ханифа, где оно росло, и во всей округе. Спустя какое-то время по призыву Ибн ‘Абд ал-Ваххаба его последователи забили камнями женщину в Эль-‘Уй’айне, уличенную в прелюбодеянии. Первый камень, исполняя *раджаму*, то есть акт побоевания камнями, бросил в нее, как сообщает Ибн Ганнам, сам шейх ‘Усман.

Молва о деяниях Ибн ‘Абд ал-Ваххаба дошла и до шейха Сулаймана, тогдашнего «властелина Эль-Хасы, Эль-Катифа и окрестных кочевников». И он призвал шейха ‘Усмана к тому, чтобы тот добился от Ибн ‘Абд ал-Ваххаба отказа от

проповедуемого им учения или избавился от него, раз и навсегда (это означало не что иное, как убить проповедника). Дело в том, что Эль-‘Уй’айн сильно зависел от Эль-Хасы, через порты которой шла его торговля. Кроме того, и у эмира Эль-‘Уй’айна, и у многих тамошних знатных семейств имелась в Эль-Хасе недвижимая собственность – дома и земельные угодья с финиковыми садами. Поэтому не прислушаться к пожеланию шейха Сулаймана эмир Эль-‘Уй’айна позволить себе не мог. Знал, что в случае непослушания шейх Сулайман перекрыл бы торговлю Эль-‘Уй’айна с Эль-Хасой, блокировал бы снабжение его удела товарами первой необходимости, продовольствием и одеждой, и лишил бы и его самого, и его торговцев доходов. Эмир ‘Усман от проповедника освободился, но не совсем так, как хотел правитель Эль-Хасы. Поскольку Ибн ‘Абд ал-Ваххаб и эмир ‘Усман к тому времени уже породнились, то эмир просто выслал проповедника из своего удела, и тот перебрался в Эль-Дир’иййу. Там у него уже была группа последователей, в том числе два брата эмира Мухаммада ибн Са’уда и одна из его жен. Они-то и помогли ему сблизиться с эмиром. Вслед за Ибн ‘Абд ал-Ваххабом ушли в Эль-Дир’иййу и многие из его последователей в Эль-‘Уй’айне.

Историки называют Мухаммада ибн ‘Абд ал-Ваххаба «человеком большой жизненной силы». Сообщают, что он «любил женщин, и имел двадцать жен», подаривших ему 18 детей. «Пятеро его сыновей, – пишет в своем сочинении «Ис-

тория Саудовской Аравии» российский историк-востоковед А. М. Васильев, – и многочисленные внуки стали известными богословами». После смерти Ибн ‘Абд ал-Ваххаба муфтиями Эль-Дир’ийи служили его сыновья: сначала Хусайн, а затем ‘Али, прославившийся своим женолюбством (2).

Помимо богословия, отмечает А. М. Васильев, Ибн ‘Абд ал-Ваххаб «снаряжал армии, занимался внутренними и внешними делами, переписывался с богословами Аравии». Принимал также деятельное участие в дележе военной добычи. Эмир ‘Абд ал-‘Азиз распределял ее только после совета с проповедником. Рассказывают, что себе при этом Ибн ‘Абд ал-Ваххаб не оставлял ни одного дирхама. И после взятия Эр-Рияда полностью посвятил себя «делам веры» (3).

В Эль-Дир’ийе обучение *таухиду* было поставлено на широкую ногу. Всем слушателям в школах, где изучали *таухид*, выдавали паек из казны эмира, а наиболее способных еще и одаривали – деньгами и одеждой. Из их числа отбирали проповедников-эmissаров и отправляли в сопредельные уделы. В землях Неджда, довольно плотно изолированных в то время от внешнего мира, *ваххабизм* пророс очень быстро.

Одним из основных источников доходов *ваххабитов* были набеги (*газу*) на *дайры* (места обитания) «многобожников». Так *ваххабиты* звали всех тех, кто не следовал их, «истинных мусульман», учению. Одна пятая от добычи, взятой во время набега, отходила эмиру Эль-Дир’ийи, четыре пятых – его воинам (пеший боец получал одну долю, а всадник –

две).

На *ваххабитов*, пишет известный русский дипломат-востоковед Александр Алексеевич Адамов (1870-?), служивший консулом Российской империи в Басре и Багдаде, «напоминавших своим поведением *карматов*, многие смотрели как на продолжателей вероучения последних». Но это неправильно, так как *ваххабиты*, «в противоположность *карматам*, были строго правоверными мусульманами, и опирались на Коран и *сунну*» {*сунна* – это поступки и высказывания Пророка Мухаммада, являющиеся для мусульманина образцом в решении всех жизненных проблем} (4). Заявляли, что «Коран ниспослан на землю прямо с неба»; не допускали «никаких посредников между Богом и людьми». Считали идолопоклонством почитание мусульманами «многочисленных мусульманских святых, к могилам которых те совершали ежегодные паломничества». Воздание почестей, «подобающих одному Аллаху», кому бы то ни было еще, тем же мусульманским святым и пророкам, не исключая самого Пророка Мухаммада, нарушало, в их понимании, саму идею о Боге Едином, Всемогущем и Всемилоостивом (5).

Какое-то время союзником *дир'ийцев* выступал эмир Эль-'Уй'айна шейх 'Усман. Он со своими воинами участвовал в набегах *ваххабитов* на племена и уделы арабов Неджда, еще не принявших к тому времени *ваххабизм*. Но вскоре они разругались и разошлись – из-за претензий шейха 'Усмана на лидерство в зарождавшемся в Неджде государстве *вах-*

хабитов. После убийства шейха ‘Усмана (1750) удел его семейно-родового клана, Эль-‘Уй’айн, в течение последующих десяти лет сник, как гласят сказания, и зачах, утратил свою независимость и подпал под власть эмира Эль-Дир’ийи.

Развернув борьбу за утверждение своей власти среди племен Неджда и Северной Аравии в целом, ваххабиты во главе с родом Аль Са’уд приобрели со временем такую силу, что стали представлять реальную угрозу для Османской империи в ее владениях в Аравии и Месопотамии. В 1749 г. наместник султана в Багдаде, а также губернатор Джидды и тариф Мекки получили предписание, повелевавшее сообща принять меры к тому, чтобы уничтожить ваххабизм, «искоренить эту нечистивую ересь», подтачивающую «основные устои ислама». Однако сделать это они не смогли.

Обеспокоенность владыки Османской империи можно понять, отмечает А. Адамов. Ведь в стремлении создать самостоятельное арабское государство род Аль Са’уд невольно придавал движению ваххабитов «характер пробуждения нации», а открытым выступлением против турок – «облик беспощадной и кровопролитной борьбы за независимость» (6).

1750–1753 годы в истории эмирата Эль-Дир’ийи ознаменовались крупным мятежом, одновременно вспыхнувшим в эмиратах Манфуха, Дурма и Хураймала, возжелавших отпасть от ваххабитов и освободиться от Са’удов. Вдохновителем бунта в последнем из них хроники Неджда называют Сулаймана, брата Ибн ‘Абд ал-Ваххаба. Мятеж этот подавил

сын правителя Эль-Дир'ийи эмир 'Абд ал-'Азиз. Зачинщик мятежа бежал в Судайр (7).

Большое внимание оценке роли и места *ваххабизма* в истории ислама уделял в своих информационно-справочных материалах управляющий консульством Российской империи в Джидде надворный советник Георгий Васильевич Брандт (1854-?). Движение *ваххабитов*, писал он, возникло на религиозной почве. Со временем, превратившись из течения мусульманского пуританизма в консолидирующую, собирательную силу арабов Аравии, поставило под свое знамя большую часть разрозненных и враждебных друг другу племен Центральной Аравии. Это способствовало образованию на Аравийском полуострове сильного централизованного государства во главе с эмирами из династии Аль Са'уд (8).

Следует, думается, упомянуть о том, что в конце 1764 г. «удел Саудов», как эмирт Эль-Дир'ийя фигурирует в сказаниях арабов Аравии, подвергся жесткому набегу со стороны кочевых племен Наджрана. Верховный вождь этих племен, шейх Хасан, предпринял поход на Эль-Дир'ийю по просьбе старшин ряда дайр (мест обитания) арабов Южного Неджда и вождя племени бану 'аджман. Войско дир'ийцев было разбито. Договорился о перемирии, «проявив на деле присущие ему таланты переговорщика и посредника», как сообщают хронисты Неджда, Ибн 'Абд ал-Ваххаб – на условиях выплаты контрибуции и обмена пленными.

В начале 1765 г. Эль-Дир'ийю осадил войско эмира Эль-Хасы, который, как гласят сказания, «всячески противился таухиду». Присоединился к нему и правитель Эр-Рияда шейх Дах-хам ибн Даввас, основной тогда соперник Са'удов. Во время этой кампании эмир Эль-Хасы перевез через пустыню на верблюдах пушки для осады города. Построил для штурма городских защитных стен специальные деревянные «коробки-черепахи», как их прозвали дир'иййцы, в которых помещались по 10–12 воинов, защищенных от стрел и пуль «деревянным панцирем». Взять город им не удалось.

С приходом к власти в эмирате Эль-Дир'иййа шейха 'Абд ал-'Азиза ибн Мухаммада Аль Са'уда (правил 1765–1803) ваххабиты быстро оправались. Захватили Судайр, большую часть Эль-Касима (1769/70) и заняли Эр-Рияд (1773), поставив на колени их непримиримого противника, эмира Давваса. Прекратил свою деятельность после всех этих побед и самый яркий проповедник антиваххабизма, как о нем отзывается историк-востоковед А. М. Васильев, – Сулайман ибн 'Абд ал-Ваххаб. Вместе с семьей он возвратился в Эль-Дир'ийю, где и прожил до конца жизни.

Расширяя пределы своего удела в Неджде, повествуют хронисты, шейх 'Абд ал-'Азиз носился по землям Неджда из конца в конец, «подобно дождю – для последователей таухида и сумуму [аравийскому смерчу] – для их противников». Возвращаясь после газу (набега) в Эль-Дир'ийю с добычей, делил ее между своими людьми честно. Вел себя, как подо-

бает истинному рыцарю пустыни (9).

Основательно укрепившись в Неджде, ваххабиты стали заинтересованно поглядывать в сторону удела племени бану халид. Помышляли о том, чтобы прибрать к своим рукам не только Эль-Хасу, но и другие подвластные *бану халид* земли, с их торговыми портами и богатыми рынками. Раздор внутри правящего семейства *бану халид*, как уже говорилось в этой книге, возникший после смерти влиятельного и воинственного шейха ‘Арай-’ира (1774), дезорганизовал племя *бану халид* и создал благоприятные условия для осуществления *ваххабитами* их планов.

В 1783–1786 гг. в Неджде была сильная засуха, сопровождавшаяся мором скота и голодом. Тогда же – с подпаданием под власть Эль-Дир’ийи Хараджа, Афладжа и Вади Давасир – завершилась и консолидация земель Центральной Аравии вокруг Эль-Дир’ийи.

В 1787 г. *ваххабиты* предприняли набег на Эль-‘Укайр и учинили там тотальный грабеж, а в 1788 г. поставили на колени племя *бану халид* и заставили признать верховенство эмира Эль-Дир’ийи (племя возглавил Зайд ибн ‘Арай’ир, ставленник Са’удов).

В том же 1788 г. наследником престола в эмирате Эль-Дир’ийя титуловали Са’уда ибн ‘Абд ал-‘Азиза. Приведением к присяге населения гордов и провинций эмирата на верность кронпринцу занимался вероучитель.

Важными целями ваххабитов, наряду с Эль-Хасой, явля-

лись Катар, Бахрейн и Кувейт. В 1788 г. *ваххабиты* во главе с эмиром ‘Абд ал-‘Азизом напали на столицу Кувейта, но захватить ее не смогли.

В 1791/92 г. заняли Эль-Катиф и совершили набег на Катар. В том же 1792 г. *ваххабиты* во главе с Са’удом ибн ‘Абд ал-‘Азизом, сыном эмира Эль-Дир’ийи, повторили попытку овладеть Эль-Кувейтом. Встали лагерем в районе Эль-Шамийа, имея в виду отрезать город Эль-Кувейт от располагавшихся в Эль-Шамийе колодцев. Затея не удалась. Воду и хворост для очагов кувейтцы завозили морем – с острова Файлака и из Басры. Блокада Эль-Кувейта ожидаемых результатов не дала, и *ваххабиты* ушли.

Но уже на следующий год (1793) *ваххабиты* во главе с Ибрахимом ибн ‘Уфайсаном, генералом, выигравшим схватку с *бану халид* за Эль-Хасу, предприняли новый набег на Кувейт. Войско ибн ‘Уфайсана, состоявшее только из воинов неджских племен (*ал-хардж, ал-‘арид* и *бану судайр*), хорошо организованное и отменно подготовленное, представляло собой грозную силу. Но мужество и стойкость жителей столицы Кувейта и воинов племени *бану ‘утуб*, схлестнувшихся с *ваххабитами* в открытой схватке за стенами города, помогли кувейтцам выстоять и на этот раз. Среди военной добычи, захваченной *ваххабитами* во время *газу* (набега), особую ценность, по словам хронистов, представляло «дорогое оружие», то есть ружья (10).

Спустя несколько месяцев *ваххабиты* обрушились на Ку-

вейт снова, что говорит о том большом внимании, что они уделяли Кувейту в их планах по постановке морской торговли в Восточной Аравии под свой плотный контроль. Набег предприняли из Эль-Хасы, во главе с другим своим прославленным генералом – Мана' Абу Риджланом. И опять безрезультатно.

На какое-то время внимание *ваххабитов* от Кувейта отвлек мятеж, вспыхнувший осенью 1793 г. в Эль-Хуфufe. Губернатора Эль-Хуфufe, чиновников его администрации и *ваххабитских улемов* мятежники захватили, протащили по улицам города, привязав к ослам, и поставили на мечи. Мятеж этот Са'уд ибн 'Абд ал-'Азиз подавил. Пост эмира провинции занял, что интересно, бывший противник *ваххабитов* – Баррак ибн 'Абд ал-Мухсин. Он присягнул на верность Са'удам и стал управлять провинцией от их имени.

В 1794 г. *ваххабиты* в очередной раз двинулись на Кувейт. Войско их состояло из 4 тыс. воинов и 2 тыс. верховых верблюдов. Отразить наскок *ваххабитов* помогли кувейтцам англичане, используя орудия палубной артиллерии двух находившихся в то время в Кувейтской бухте боевых британских кораблей.

В 1795 г. *ваххабиты* еще раз попытались забрать Кувейт в свои руки. В этом набеге уже участвовало и несколько племен из Эль-Хасы, подпавшей к тому времени под власть *ваххабитов*. Чтобы хоть как-то приструнить их, шейх 'Абд Аллах ибн Сабах решил ответить ударом на удар – организовать

ответный рейд. В 1796 г. небольшой кувейтский летучий отряд на быстроходных верблюдах во главе с Машари ибн ‘Абд Аллахом ал-Хуссайном напал на племя *ал-зиаб*, союзника эмира Ибн Са’уда, и увел у него крупное стадо верблюдов и домашнего скота (11).

Несмотря на все попытки *ваххабитов* захватить Кувейт, сделать это им не удалось. Кувейт под власть *ваххабитов*, в отличие от Катара и Бахрейна, не подпал. Доподлинно известно, что в списке наместников *ваххабитов* в подвластных им землях в Восточной Аравии шейхство Кувейт не значилось (12).

В 1795 г. *ваххабиты*, напомним, окончательно взяли верх над племенем *бану халид*. Наголову разбили его ополчение и овладели Эль-Хасой, вышли к побережью Персидского залива и начали угрожать Басре. Продвигаясь в сторону Басры, организовали поход против Зубары, что на полуострове Катар, и захватили этот важный в торговом отношении город. Контроль над Зубарой и Бахрейном *ваххабиты* осуществляли из Эль-Катифа и Эль-‘Укайра, что в Эль-Хасе. Зубара сделалась главным перевалочным пунктом для индийских товаров, ввозимых в города и провинции Неджда.

В 1790-е годы *ваххабиты* жестко схлестнулись с Хиджазом. Шариф Мекки, Галиб ибн Муса’ид (правил 1788–1813), воин храбрый и политик прозорливый, как о нем отзываются хронисты Хиджаза, снарядил в 1790/91 г. военную экспедицию против Неджда – отправил в «поход на удел *ваххаби-*

тов» 10-тысячную армию под командованием своего брата. Вскрое возглавил войско сам. Попытка овладеть Недждом не увенчалась успехом, и он бесславно возвратился в Мекку. А вот союзники его, *шаммары* и племя *бану мутайр*, были наголову разбиты шейхом Саудом в Джабаль Шаммаре. Бежали и оставили *ваххабитам*, как сообщают Ибн Бишр и Ибн Ганнам, «богатую добычу – около ста тысяч овец и коз и несколько тысяч верблюдов» (13).

Ваххабиты на поход, организованный против Неджда *тарифом*, отреагировали чередой набегов на приграничные с Недждом районы Хиджаза. Племена Хиджаза отвечали им тем же. И в разгар этой острой межплеменной схлестки *тариф* Галиб направил в Неджд новую экспедицию (зимой 1795/96 г.), но и она была бита, как пишет А. М. Васильев, ссылаясь на Ибн Ганнама. На сей раз добыча *ваххабитов* составила «30 тысяч верблюдов и 200 тысяч овец и коз» (14).

К концу XVIII столетия под властью *ваххабитов*, говорится в сочинении А. А. Адамова «Ирак Арабский», «оказалась вся пустыня». Переход в руки *ваххабитов* Эль-Хасы, восточной провинции Верхней Аравии, расположенной неподалеку от Басры, создавал уже угрозу власти турок в самом Ираке Арабском.

В 1796 г. из Константинополя в Багдад поступило новое распоряжение султана, в соответствии с которым Багдадскому паше надлежало предпринять военную кампанию против Эль-Дир'ийи, столицы Са'удов, и «стереть ее с ли-

ца земли». Поход турок на Эль-Дир'иййу, имевший место во времена властвования в эмирате шейха 'Абд ал-'Азиза ибн Мухаммада Аль Са'уда (правил 1765–1803), успехом не увенчался. В походе, цель которого состояла в том, как указывалось в повелении султана Османской империи, чтобы не просто опрокинуть Эль-Дир'ий-йу, столицу Са'удов, но и «смести ее с лица земли», участвовало 15 тысяч солдат. *Ваххабиты*, военный кулак которых, насчитывал в то время 50 тысяч вооруженных всадников на верблюдах, наступление турок отразили. Провал этой экспедиции, отмечал А. Адамов, лишь усилил «славу непобедимости» и авторитет среди арабов Аравии *ваххабитского* эмира 'Абд ал-'Азиза (наследовал власть в 1765 г.). Поражение, нанесенное им туркам, подвигло к союзу с ним целый ряд новых влиятельных племен Аравии. Подтолкнуло «примкнуть к нему даже арабов с [Аравийского] побережья Персидского залива, которые упорно дотоле отказывались признавать над собой власть *ваххабитов*» (15).

Не дала ожидаемых результатов и первая экспедиция турок в Эль-Хасу, организованная пашой Багдада в 1798–1799 г., чтобы восстановить там утерянную власть Порты, а в случае успеха раздвинуть ее на полуостров Катар, и потеснить ваххабитов со всего побережья Верхней Аравии. Эль-Хуфуф, главный город провинции Эль-Хаса, османы не взяли. И вынуждены были уйти в Кувейт, выступивший тогда на стороне турок.

Эмир Абд ал-Азиз, повествуют хронисты, страстно желал «покончить с ибадизмом» в Омане и обратить племена тамошние в ваххабизм. Согласно оманскому летописцу Ибн Рузайку, в 1800 г. он направил к султану ибн Ахмаду, шейхам оманских племен и губернаторам городов своих посланцев со списками главных положений учения Мухаммада ибн 'Абд ал-Ваххаба (речь идет о «Книге дозволенных и недозволенных дел в единобожии»), и призвал их принять *ваххабизм*. Получив отказ, решил показать *ибадитам* силу, и организовал военный поход в Оман. Цель похода – забрать в свои руки Сухар (Сохар). Первым делом *ваххабиты* захватили оазис Эль-Бурайми. Руководил отрядом верблюжьей кавалерии *ваххабитов*, численностью в 700 воинов, их прославленный полководец, бывший нубийский раб, Салим ибн Хилал ал-Харик. Войдя в Эль-Бурайми (1800), *ваххабиты* принялись восстанавливать тамошний старый форт, имея в виду превратить его в опорную базу для набегов на земли Омана и Аш-Шамала. И затем выдвинулись на Сухар. Путь *ваххабитам* на Сухар оманцы преградили, и потеснили их в Эль-Бурайми. Попытались, было, выдавить их и оттуда, но не смогли. С учетом сложившейся ситуации Султан ибн Ахмад и ал-Харик заключили перемирие. Султан ибн Ахмад возвратился в Сухар. Ал-Харик остался в Эль-Бурайми. Более того, стал собирать там *закат* (налог на имущество и доходы).

В январе 1801 г. *ваххабиты* совершили новый набег на Эль-Батину, что на Оманском побережье, пленили и увели

с собой в Эль-Бурайми 150 оманцев. Покидая Эль-Батину, оповестили население района на который напали, что эмир их, шейх 'Абд ал-'Азиз, полон решимости овладеть Оманом, и готовит к отправке в поход в земли Омана крупное войско, численностью не менее 25 тысяч человек, во главе со своим сыном, шейхом Са'у-дом. Во время этого набега на верность *ваххабитам* присягнул правитель Ра'с-эль-Хаймы шейх Сакр, вождь племенного союза *кавасим*.

В том же 1801 г. произошел инцидент, следствием которого стало пополнение рядов *ваххабитов*, помимо племен *кавасим*, еще одним их сторонником в схватке с Оманом. Дело было так. Шейх Насир, вождь племени *бану сувайди*, которому Султан ибн Ахмад доверил собирать *джумрук* на Ормузе, то есть плату за проход торговых судов через Ормузский пролив, прибрал к рукам груз с одного из британских кораблей. На обращение к нему английской администрации в Бомбее вернуть груз – сделать это отказался. Тогда британцы, состоявшие в особых отношениях с Оманом, попросили Султана ибн Ахмада принять в отношении шейха Насира «действенные меры». И Султан ибн Ахмад выставил шейха Насира с Ормуза, вместе со всем его племенем. Тот перебрался в Катар. Встал под защиту *ваххабитов*, и сделался активным участником их набегов на побережье Омана.

В 1802 г. эмир 'Абд ал-'Азиз распростер свою власть на Бахрейн, изгнав с него оманцев. Султан Маската, говорится в хрониках Омана, попытался, было, «вернуться на Бах-

рейн». Оманский флот осадил Манаму, но практически сразу же вынужден был свернуть военные действия, снять блокаду с острова и срочно возвратиться в Маскат. Причиной тому – набег *ваххабитов* на северные районы Омана в ответ на действия султана в отношении Бахрейна (16). Во время этого *газу* (набега) *ваххабиты* заняли довольно обширные земли во владениях султана, в том числе и часть важной в торговом отношении провинции Ас-Сирр (речь идет об уделе племен *кавасим* на побережье нынешних ОАЭ), «обратив ее население в свою веру». Установили на Бахрейне военно-сторожевой пост. Взяли заложников из именитых семейно-родовых кланов всех бахрейнских племен. Надзирать над Бахрейном эмир ‘Абд ал-‘Азиз поставил ‘Абдаллу ибн ‘Уфайсана, брата Ибрахима ибн ‘Уфайсана, своего наместника в Эль-Хасе, отважного генерала, выиравшего схватку за Эль-Хасу у племени *бану халид* и отобравшего у рода Аль Халифа сначала Зубару (1795), что на полуострове Катар, а потом занявшего и Бахрейн.

Эмир Са’уд ибн ‘Абд ал-‘Азиз Аль Са’уд, правивший уделом ваххабитов (1803–1814), известным как Первое саудовское государство (1744–1818), свидетельствуют документы Архива внешней политики Российской империи, «распространил господство ваххабитов по всему Арабскому побережью Персидского залива от Эль-Хасы с соседним Катаром до Ра’с-эль-Хаймы».

Жившие в Ра’с-эль-Хайме, в уделе племен *ал-кавасим*,

«арабы-моряки под влиянием новой религии, – сообщали в своих донесениях дипломаты Российской империи, – превратились в самых отчаянных пиратов. С течением времени они настолько усилились, и дерзость их возросла до таких размеров, что они сделались бичом для торгового судоходства, и почти совершенно перекрыли... торговое движение между Индией и портами Персидского залива, нападая на суда всех наций» (17). Из рапортов полковника Кэмбелла, английского политического резидента в Персидском заливе, следует, что ко времени прихода к власти эмира Сауда влияние свое *ваххабиты* распространили на огромной территории – от Басры на севере до удела племен *кавасим* на юге.

Дерзость эмира Сауда и масштабы его «наскоков» на ту-рок ширились и росли день ото дня. Он смог объединить под своим знаменем много крупных племен Аравии, придав действиям *ваххабитов*, как докладывали российские дипломаты, «характер пробуждения арабской нации» (18).

В 1802 г. эмир Са'уд ибн 'Абд ал-'Азиз расторг мир с тарифом Мекки, выступил на Хиджаз и в 1802 г. захватил Та'иф, «летнюю резиденцию правителя Хиджаза». *Ваххабиты* учинили там тотальный грабеж; порушили много домов, убили около 200 жителей и сожгли тысячи книг.

В апреле 1803 г. эмир Са'уд со своей *ваххабитской ратью* вошел в Священную Мекку и водрузил стяг *ваххабитов* во дворе Большой мекканской мечети, у стен древней Ка'абы. Там же повелел свалить в кучи и сжечь изъятые у жителей

города табак с курительными трубками и многое другое, что подпадало под запрет учения *ваххабитов*. Улицы и дворы мечетей Мекки «наполнились бичевальщиками». Эти «люди рвения» нещадно, по свидетельствам современников, пороли кожаными плетями мусульман-ленивцев. Так они называли тех, кто, на их взгляд, «клат молитвы» не столь подобострастно, как подобало. Жителей Мекки обязали регулярно молиться, не носить шелковых одежд и не курить публично. Продажу табака строго-настрого запретили. Во время занятия Мекки *ваххабиты* «стерли с лица земли» могилу ‘Аббаса, дяди Пророка Мухаммада. Предания гласят, что именно тогда эмир Са’уд распорядился снять с Ка’абы черное шелковое покрывало (*кисву*) и накрыть ее черной мешковиной. Губернатором Мекки *ваххабиты* поставили ‘Абд ал-Муина, брата *тарифа* Галиба (сам он перед занятием Мекки *ваххабитами* сбежал в Джидду). Пост судьи Мекки вместо турецкого *кади* занял привезенный с собой *ваххабитами* известный дир’ийский богослов, который произвел на население города, как отмечал путешественник Буркхард, «благоприятное впечатление своей справедливостью» (19).

Из Мекки эмир Са’уд направил свое знаменитое письмо турецкому султану Селиму III (правил 1789–1807). Было оно кратким и предельно лаконичным. Начиналось словами: «Са’уд – Селиму», то есть без упоминания титулов. Я вошел в Мекку (следовала дата: 4-ый день *мухаррама*, то есть 26 апреля 1803 г.), писал он, и даровал мир ее жителям.

Я уничтожил все то, что они идолизировали. Отменил все налоги, за исключением тех, что требует священный закон веры. Утвердил *кади* (судью) и поставил губернатора. Хотел бы, чтобы ты дал распоряжение своим наместникам в Каире, Дамаске и Багдаде не слать больше в Священный город *махмаль с кисвой* (то есть почетный караван с паланкином и покрывалом в нем, и дарами для Ка'абы), в сопровождении оркестров с трубами и барабанами. Религии это не нужно (20).

Заняв Мекку *ваххабиты* срубили дерево, под которым сподвижники Пророка Мухаммада давали Ему клятву в вере; надругались над могилой Хадиджи, первой жены Пророка Мухаммада; сожгли знаменитую библиотеку тамошней Арабской школы.

Летом 1805 г. ваххабиты овладели Мединой (Мединой). Взяли город, окруженный стеной, без боя. Помогли эмиру Са'у-ду предавшие мединцев и впустившие его войско в город братья Бади и Бадай из местного племени ал-харб. Пресветлая Медина подверглась тотальному грабежу. Ваххабиты растащили Сокровищницу Мечети Пророка (там, к слову, в специальном помещении, состоятельные мединцы хранили свои сбережения и богатства) и разрушили позолоченный купол над Усыпальницей Посланника Аллаха.

Рассказывают, что *ваххабиты* намеревались даже содрать с Мечети Пророка полумесяц, ошибочно полагая, что он – вылит из золота. Двое грабителей забрались с этой целью на крышу Храма, но, поскользнувшись, свалились и разбились.

Остальные мародеры сочли случившееся недобрым предзнаменованием, и поспешно удалились. И хотя Храм и подвергся надругательству и разграблению, но был убережен Всевышним от уничтожения (21).

По свидетельствам арабских историков, когда *ваххабиты* захватили Медину, то их предводитель, решившийся вломиться в Мечеть Пророка (Масджид ан-Наби) и заглянуть за занавес, возреть на самую гробницу Пророка не осмелился. Вместе с тем, сокровищницу храма безжалостно разграбил. Именно тогда бесследно исчезли хранившиеся в ней бесценные драгоценности, в том числе и украшение «Созвездие жемчужин». Доставили все эти сокровища в Медину с почетными паломническими караванами – в качестве даров от владык и правителей стран и народов исламского мира. Половину похищенных ценностей *ваххабиты* будто бы сразу продали *тарифу* Мекки. А вот знаменитые чаши Храма (те из них, что сохранились, конечно) выкупил впоследствии у *ваххабитов* Туссун-паша (руководил первой «аравийской экспедицией» египтян, о которой мы еще поведаем читателю) и возвратил на место.

Интересные рассказы о Медине и ее святынях (Усыпальнице Пророка Мухаммада, Колодце Пророка и Саде правоверной Фатимы, дочери Пророка Мухаммада) содержатся в воспоминаниях Ричарда Фрэнсиса Бертона (1821–1890), блестящего английского офицера-разведчика, талантливо-го дипломата, полиглота, знаменитого этнографа и путеше-

ственника-исследователя Аравии (в 1853 г. он под видом персидского принца побывал в Мекке и Медине).

Медина (Мадина), Йасриб в прошлом, сообщает Бертон, основана, по преданиям аравийцев, 'Амаликом ('Амлаком), внуком Сима, одним из сыновей Ноя. Свое нынешнее название – Медина, что значит Город Пророка, – Йасриб получил после переселения (*хиджры*) в него из Мекки Пророка Мухаммада (622 г.). Здесь Посланник Аллаха заложил знаменитую мечеть Масджид ан-Наби.

В Храме с Гробницей Пророка, скрытой от глаз паломников занавесом, Р. Бертон видел, по его словам (через окно), висевшее на этом занавесе «украшение дивное». В речи арабов Аравии оно фигурировало как «Созвездие жемчужин». Приметил он там и великолепные жемчужные четки.

Среди других мест в Медине, почитаемых мусульманами, Бертон называет Сад правоверной Фатимы, дочери Пророка Мухаммада. Плоды с деревьев этого сада, сообщает Р. Бертон, служители Храма, по сложившейся традиции, ежегодно отсылали в те времена в подарок султану Османской империи.

Упоминает он и о Колодце Пророка у мечети Масджид ан-Наби. Воду из него, также как и из колодца-источника Замзам в Мекке, паломники везли с собой на родину в качестве подарка-сувенира по возвращении из *хаджжа*. Согласно бытующему поверью, пишет Бертон, воды Колодца Пророка в Медине соединены, дескать, с водами источника

Замзам в Мекке «чудесным подземным сообщением» и обладают одинаковой чудодейственной силой, и, также, как и в Мекке, очищают человека от совершенных им грехов.

Паломников, умиравших в Медине, повествует Бертон, хоронили на древнем кладбище города. По преданиям арабов Аравии, там погребены многие из выдающихся *мухаджиров* (сподвижников Пророка Мухаммада) и *ансаров* (последователей Посланника Аллаха). В том числе и ‘Усама ибн Мазм, первый из мусульман-переселенцев, бежавших из Мекки в Эфиопию, спасаясь от преследования идолопоклонников. Рассказывают, что Пророк Мухаммад собственноручно поставил на его могиле два камня. Ступать на территорию кладбища, так же как и входить в мечеть, надо, к слову, с правой ноги, а вот выходить – с левой. Мусульмане верят, что тот из них, кто умрет в Медине и будет захоронен на этом кладбище, может рассчитывать на заступничество Пророка Мухаммада в день Страшного суда.

Описывая обряд паломничества к Ка’абе, Бертон подробно информирует о *тавафе*, ритуальном семикратном обходе вокруг Ка’абы. Отмечает, что *таваф* у мусульман символизирует собой божественный порядок, согласно которому все живые существа подчинены Творцу Вселенной – Богу Милостивому и Милосердному. Ка’аба – центр мироздания.

На востоке Мекки, продолжает Бертон, расположена возвышенность Джабаль Абу Кубайс. Племена «Острова арабов» свято веруют в то, что там, у подножья горы, похоро-

нен Адам. Невдалеке возвышается гора ‘Арафат. С ней тоже связаны легенды об Адаме и Хавве (Еве). По одной из них, прародители рода человеческого, послушавшиеся Бога, вкусившие запретный плод и потерявшие вследствие этого свою первородную чистоту, были изгнаны из Рая и отправлены на землю. Змей-искуситель оказался в Исфахане, павлин – в Кабуле, Адам – на Цейлоне, а Ева – на горе, известной в наши дни как ‘Арафат. Тоскуя по жене и мечтая найти ее, Адам отправился в путь. Шагая по земле, он придавал ей новый облик. Там, где ступала нога Адама, закладывались со временем города, а в местах между его широкими шагами возникали села и деревни. Странствовал Адам долго, не год и не два. И вот, наконец, оказался у горы ‘Арафат, на которой Ева ежедневно молила Бога о прощении, умоляла положить конец ее разлуке с Адамом. Так вот, проходя мимо горы той (Ева называла ее Горой Милосердия), услышал Адам голос Евы. И устремился к ней, и встретились они там. И была их встреча яркой и незабываемой. И назвали они гору ту ‘Арафатом (местом встречи и воссоединения). Прожили в том месте Адам с Евой остаток дней своих в счастье и согласии. Ева ушла из жизни раньше Адама. И похоронил ее Адам в полчаса от того места, где стоит сегодня город Джидда. Но вот, что интересно, замечают арабы Аравии, погребена Хавва (Ева) по мусульманскому обычаю – лицом к Ка’абе.

Предания арабов Древней Аравии повествуют об этой истории так. Первого человека, Адама, говорится в них, гос-

подъ сотворил из глины, взятой в землях, принадлежащих сегодня Йемену. В процессе работы глины не хватило. И недостающую часть ее Всевышний добрал в том месте, где стоит теперь Мекка. Поэтому, будучи совращенным шайтаном и помощниками его, змеей и павлином, и изгнанным за непослушание из Рая, вместе с Хаввой (Евой), женой своей, и оказался Адам не на Цейлоне, как гласят легенды других народов мира, а в Йемене, в районе нынешнего Адана (Адена). Хавва же нашла приют в окрестностях той местности, где возникла со временем Джидда. Отсюда – и название этого города – Мадина Эль-Джидда (Город праматери человечества). Смысл слова «*джадда*» («*джидда*» в просторечии) – бабушка.

Встретились Адам и Хавва только через сто лет после разлуки, вблизи Мекки, у горы ‘Арафа (‘Арафат), что в переводе с арабского языка значит «узнавание». В то место, где, спустившись с горы в долину, Адам, встав на колени, возблагодарил Бога за дарованное ему счастье воссоединения с любимой женщиной, и где находится Ка’аба, Господь ниспослал ему храм с небес. И был храм тот первым на земле.

Еще за две тысячи лет до сотворения мира, рассказывают своды «аравийской старины», возвел Господь храм на небесах. «Стоял он на четырех столбах из яшмы», покрытый крышей, украшенной драгоценными камнями, яхонтами и рубинами. Ангелы обошли храм, воспевая хвалу Господу. Так и установили они обычай, известный в исламе как *та-*

ваф, то есть семикратный ритуальный обход Ка'абы во время паломничества. Копию первозданного храма того Творец и ниспослал на землю Адаму. И был храм тот не из камня, а из «лучезарного света». Исчез он с «лица земли» в день смерти Адама.

Выполняя предсмертную волю Адама, потомок его, Шис (Сиф, предок Ноя), своими руками построил из камня, извести и глины новый храм, «по образу и подобию храма отца своего, Адама». Однако и он не сохранился. Храм тот разрушил «потоп Ноя». Тогда Господь повелел Ибрахиму (Аврааму) и сыну его Исма'илу, рожденному наложницей-египтянкой Хаджар (Агарью) возвести на том же самом месте новый храм. Так и «явила себя людям нынешняя Ка'аба», неоднократно впоследствии поправлявшаяся. Ка'аба – старейший храм на земле, помещенный, как утверждают сказания арабов Аравии, «точно под небесным тронем Господа». Первый молитвенный дом на земле, сказано в Коране, это тот, что в Бекке.

Мекка, Мекка Рабба (Великая Мекка) или Бекка, как она фигурировала в речи арабов Аравии прошлого, есть «место великого стечения людей», извещает Коран правоверных. По мнению одних собирателей аравийской старины, пишет арабский историк Ибн Халдун (1332–1406), Меккой арабы Древней Аравии именовали Священну область, а Беккой – местоположение Ка'абы. Другие же полагали, что Меккой у древних аравийцев звался город, а Беккой – место Храма в

нем. Как бы то ни было, но Коран величает Мекку «Матерью городов» и «Местом, очищенным от грехов».

Будучи прощенными Господом, жили Адам и Хавва (Ева) счастливо. Произвели на свет многочисленное потомство. По преданиям аравийцев, «Хавва родила от Адама 70 пар детей, и каждый раз по сыну и дочери». Первыми на свет появились Кабил (Каин) и Иклима. Повзрослев, Кабил страстно влюбился в красавицу Иклиму. И чтобы не досталась она в жены Хабилу (Авелю), убил его, и бежал с Иклимой в земли нынешнего Йемена.

Адам, со слов еврейского историка и военачальника Иосифа Флавия (ок. 37 – ок. 100), ссылающегося на легенды древних народов, ушел из жизни в возрасте 930 лет. Годом раньше перебралась в мир иной и Ева.

Адама погребли у горы Абу Кубайс. Согласно преданиям арабов Древней Аравии, именно с этой горы, отстроив с сыном своим, Исма'илом, Храм, нынешнюю Ка'абу, и водрузив в одном из углов его Священный Черный Камень, обратился Ибрахим (Авраам) с возванием ко всем людям на земле. Призывал их к тому, чтобы они, поворачиваясь, поочередно, лицом к четырем сторонам света, почитали Бога Единого и совершали паломничества к Ка'абе, Дому Бога.

Жителей Мекки Бертон характеризует как людей жизнерадостных и жизнелюбивых, храбрых и простодушных, «восторженно привязанных» к своим семьям. Отмечает, что они «здорово судят о людях», и что присуща им «культура

речи», способность говорить в «манере поэтической», «словами изысканными». Лишь одно «бросает на них тень», замечает Бертон, – «хвастовство и страсть к выирышу», всегда и во всем.

Интересные заметки оставил Бертон и о бедуинах, «сынах Аравийской пустыни». В характере их, пишет он, присутствует благородное сочетание решительности и великодушия. Они по-детски наивны, добры и чувствительны, любят смех и шутки; но в то же самое время вспыльчивы и «жестко мстят за обиду». Яркая отличительная особенность их характера – «родовая месть». И навлечь ее на себя и на свое потомство остерегается любой из аравийцев, даже самый богатый и знатный из них.

В повседневной жизни бедуины придерживаются обычаев и традиций предков, «строго и в точности». Питают рыцарское уважение к женщине; «насмешка над женщиной приводит их в ярость». В бою ведут себя отважно. Ввязываются в схватку охотно, со страстью. Французы, повествует Бертон, заявляют, что дерутся, дабы обрести славу. Ирландцы не скрывают, что любят драться – и дерутся. Арабами же Аравии, по их словам, движет в бою страсть к победе. А теми из них, кто был хоть однажды побежден и унижен противником, – жажда отмщения (22).

Возвращаясь к рассказу о набегах *ваххабитов* на Мекку и Медину, заметим, что мусульман они привели в ступор. Мусульманский мир, писал известный российский востоко-

вед Михаил Александрович Боголепов, содрогнулся. Мекка и Медина были поруганы. Гробница Пророка Мухаммада и захоронения других почитаемых лиц в исламе – осквернены. *Хаджж* (паломничество), один из столпов ислама, – фактически приостановлен (23).

После взятия Мекки и Медины эмир Са’уд повелел упоминать в пятничных *хутбах* (проповедях) в мечетях обоих Священных городов его имя вместо имени султана Османской империи, халифа правоверных.

Вслед за Мединой *ваххабиты* захватили Янбо, а зимой 1805/06 г. пала Джидда. Укрывавшийся там *тариф* Галиб подчинился *ваххабитам*. Завоевание Хиджаза завершилось, и он вошел в состав государства Са’удов.

Следует, думается, информировать читателя и о том, что несколькими годами ранее ваххабиты захватили Кербелу, город в Ираке, Святое место мусульман-шиитов. Осквернили там мавзолей шиитского имама Хусайна ибн ‘Али, прозванного мусульманами-шиитами «великим мучеником» (Хусайн – сын четвертого «праведного» халифа ‘Али ибн Абу Талиба, рожденный его женой, Фатимой, дочерью Пророка Мухаммада). Пытались даже разрушить мечеть с ее минаретами, но «остановленные крепостью постройки, ограничились лишь повреждением минаретов и... купола», медную позолоченную обшивку которого они приняли «за чистое золото».

Произошло это в марте – апреле 1802 г., когда многие из

жителей Кербелы отправились в Неджеф (еще одно Святое место шиитов), на поклонение гробнице имама 'Али. Двадцатого апреля шейх Са'уд, сын эмира 'Абд ал-'Азиза, «с войском на семи тысячах *мардуфах*», то есть беговых верблюдах, «с двумя вооруженными всадниками на каждом из них», напал на Кербелу. Город подвергся восьмичасовому тотальному грабежу. Погибло более четырех тысяч мирных жителей. Богатства, захваченные *ваххабитами* в Кербеле, сообщают арабские историки, «не поддавались счету»; они едва поместились на четырех тысячах верблюдах. Среди военной добычи имелись золотые и серебряные вазы; шелковые персидские ковры; ювелирные украшения с драгоценными камнями и жемчугом; бесчисленное количество богато инкрустированного оружия и огромная жемчужина размером с голубиное яйцо. Помимо сказанного выше, *ваххабиты*, по словам знаменитого исследователя-описателя Аравии С. Цвемера, вывези из Кербелы четыре тысячи кашмирских шалей; 6000 испанских золотых монет (*дублонов*), 350 000 венецианских серебряных монет; 400 000 голландских *дукатов*, 250 000 испанских долларов; 500 позолоченных медных плит, снятых с купола над гробницей Хусайна (24). В списке военной добычи значились также 2 тыс. сабель и 2,5 тыс. ружей.

После перехода Мекки и Медины в руки ваххабитов они перекрыли доступ в Святые земли для паломнических караванов из Османской империи, в том числе из Египта, Сирии

и Ирака. Потребовали, чтобы паломнические караваны приходили в Хиджаз без *махмалья*, то есть без богато убранного паланкина с *кисвой* (покрывалом) для Ка'абы и дарами для нее, и без музыкантов, сопровождавших такие караваны.

Обычай этот зародился во времена властвования в Египте Шаджар ад-Дур, женщины необыкновенной судьбы, тюркской наложницы султана Айюба, занявшей после его смерти египетский трон (1250 г.). Она открыла эпоху 250-летнего владычества в Египте знаменитых мамлюков, правителей из числа бывших тюркских и черкесских рабов. Сам *махмаль*, давший название всему церемониальному каравану, представлял собой деревянное сооружение пирамидальной формы, покрытое резными позолоченными письменами. Его занавешивали специальным покрывалом, изготовленным из красного атласа с вышитыми на нем золотыми нитями изречениями из Корана. По углам покрывала подвешивали серебряные шарики с кистями из тонких серебряных нитей. Венчали *махмаль* четыре шпиля из позолоченного серебра. Внутри него находились дары: покрывало для Ка'абы и два миниатюрных списка Корана в переплетах из позолоченного серебра, подвешанных на серебряных цепочках.

Махмаль, каким его видел в Египте (1739 г.) ирландский богослов Ричард Покок, крепился на верблюде, «покрашенном хной». Верблюдов для этих церемониальных процессий разводили на специальных фермах, и после доставки *махмалья* в Священную Мекку ни на каких работах уже не исполь-

зовали. Мусульмане настолько верили в их чудодейственную силу, отмечал Ричард Покок, что даже подбирали с земли слюну этих верблюдов.

За главным верблюдом (с *махмалем*), покрытым «пергой и богато расшитыми тканями», шли три других верблюда, убранных столь же богато, как и первый (с пожертвованиями для Священного храма). «Упряжь их, – рассказывает Покок, – не уступала упряжи первого». За ними шествовали еще шесть верблюдов с подарками для *тарифа* Мекки и священников, а также с покрывалом для *маками* Авраама (то есть камня, который Авраам, как гласят легенды, использовал в качестве подставки при сооружении Ка'абы). За правильным построением колонны и ее передвижением наблюдал главный церемониймейстер. Он нес персональную ответственность за «гардероб *махмаля*» и за сохранность перевозимых в Мекку даров. Замыкали процессию офицеры из личной гвардии султана. Число всех участников каравана, включая сопровождавших его паломников и торговцев, составляло 40 тыс. человек.

Накануне отправления каравана его торжественно проводили по улицам Каира, переполненным жителями со всех городов и сел Египта.

Оставил заметки о *махмале* и российский востоковед М. Э. Никольский. Начиная с XIII в., пишет он, в Мекку из Египта ежегодно отправляли Священный паланкин (*махмаль*) с *кисвой* (покрывалом) для Ка'абы. Сопровождали его

в пути 200–300 солдат с несколькими орудиями. По прибытии в Джидду *махмаль* торжественно перевозили с парохода на берег, на парусной лодке *самбуке*, «убранной коврами», под залпы орудий из местного форта. На берегу *махмаль* помещали на подставку, устроенную на «горбах двух драмодеров». И процессия «в несколько тысяч человек», двигаясь по городу, торжественно следовала в направлении Мекканских ворот Джидды. Участвовали в этом зрелищном мероприятии, собиравшем всех горожан, «и воины из местного гарнизона, и сопровождавшие *махмаль* конные египетские солдаты». Все они, замечает М. Никольский, как на подбор, были «красивыми и мужественными молодцами»; и горделиво, «в белых одеждах богомольцев», восседали на своих «выхлуженных лошадях». По бокам их «щегольских седел» висели, вложенные в кобуры и ножны, ружья и сабли (25).

В Константинополе переход Хиджаза в руки ваххабитов восприняли крайне болезненно. Султану Османской империи, халифу правоверных, ваххабиты захватом Священных мест нанесли крупную пощечину. И он повелел принять срочные и энергичные меры по изгнанию ваххабитов из Мекки и Медины. Многотысячное войско, выступившее вскоре из Багдада с приказом «усмирить ваххабитов», добралось только до Хаиля, столицы Джабаль Шаммара; дальше продвинуться не смогло. Небольшие отряды, посылаемые оттуда турками против ваххабитов, говорится в увлекательном исследовании А. Адамова «Ирак Арабский», «уме-

ло ими истреблялись». И спустя всего лишь год войско ту-
рок, «наполовину уменьшившееся от мечей *ваххабитов*»,
бесславно возвратилось в Багдад. И все в крае том вновь вер-
нулось на круги своя, то есть под власть *ваххабитов* (26).

*После этого эмир Са'уд стал предпринимать набеги (га-
зу) на соседние земли. Особенно страдали от них окрест-
ности Басры, указывал в своих информационно-справочных
материалах А. Адамов. Дело дошло до того, что представи-
тель Английской Ост-Индской компании в Басре получил от
паши Багдадского разрешение на постройку форта на берегу
Шатт-эль-'Араба, где «могли бы укрыться – в случае напа-
дения *ваххабитов* на город – английские купцы и служащие
компании» (27).*

Сильное разорение в окрестностях Басры *ваххабиты* учи-
нили конце 1803 – начале 1804 года. Сначала они осадили
Эль-Зубайр и предложили жителям этого города капитули-
ровать и принять их учение. Горожане ответили отказом. Бо-
лее того, посланнику эмира Са'уда, доставившему губерна-
тору письмо с таким предложением, он повелел отрезать уши
и тотчас же выпроводить из города. Захватить Эль-Зубайру
ваххабиты не смогли, и решили выместить злобу на селах
в окрестностях Басры. Некоторые из них, сообщают хрони-
сты, «буквально стерли с лица земли», но вот взять Басру,
как того страстно желали, так и не смогли (28).

*Утвердившись в Неджде и войдя в Хиджаз, *ваххаби-
ты* с возжелением стали поглядывать в сторону Йемена.*

И в лице правителя района Абу-‘Ариша, *сайида* Хамуда Абу Мисмара (одного из потомков Пророка Мухаммада по линии Его внука Хасана), обрели деятельного союзника в схватке с йменским имамом ‘Али по прзвищу ал-Мансур (Победитель). С помощью *ваххабитов сайиид* Хамуд стал расширять свое влияние на Красноморское побережье Йемена. Будучи к тому времени человеком уже довольно пожилым, в возрасте 80-ти лет, имам ‘Али вначале никак не отреагировал на действия Хамуда и *ваххабитов*. Но когда ему донесли, что они готовят бросок на Моху, то решил остановить их, непременно и во что бы то ни стало. И это понятно. Ведь торговля иностранных купцов в Мохе давала его казне солидный доход. Но вот собрать силы, достаточные для сшибки с воинственными *ваххабитами*, имаму не удалось. Его войско, численностью в две тысячи человек, из которых только 250 воинов состояли в регулярной армии, практически сразу же после выступления из Сана’а’ распалось. Ополченцы из племен примкнули к *ваххабитам*-, а солдаты дезертировали и укрылись в Тихаме, в уделе *сайида* Хамуда. В руки к *ваххабитам* перешла Эль-Худайда (морской порт Ходейда), а сам имам оказался запертым в г. Сана’а’, который осадили взбунтовавшиеся племена *бану бакил* и *ал-хатид*. Моха, к слову, сохраняла верность имаму ‘Али до самой его смерти (1809).

Впоследствии (1809) *сайиид* Хамуд Абу Мисмар воспротивился *ваххабитам*, и даже поднял против них оружие.

Опережая ход повествования, скажем, что *ваххабиты* оставались реальной угрозой Йемену в течение десяти последующих лет, пока Ибрагим-паша, сын Мухаммада 'Али, правителя Египта (1805–1848), вассала турецкого султана Махмуда II, не разбил их и не разрушил Эль-Дир'ийю, столицу *ваххабитов*, в кампании 1818 г. (о ней мы еще расскажем читателю). Именно он изгнал *ваххабитов* из Тихамы и восстановил там номинальную власть *зейдитского* имама 'Абдаллы ибн Ахмада, который признал себя вассалом Мухаммада 'Али и платил ему дань (29).

Параллельно с действиями в Йемене ваххабиты пытались поставить под свою власть и земли Омана. Эмир *ваххабитов* был настроен против Султана ибн Ахмада, правителя Омана, крайне враждебно. И все потому, что тот, совершая в начале 1803 г. паломничество в Мекку, в сопровождении группы знатных людей, в том числе правителей Нахля и Фуджайры, положительно отреагировал на просьбу *тарифа* Мекки о предоставлении ему помощи в защите Святых мест ислама от нацелившихся на их захват *ваххабитов*. И направил в Хиджаз «военную силу». Остановить «*ваххабитскую* лавину», накотившую на Мекку, сообщают хронисты, оманцы не смогли, но вот гнев их вождя по отношению к Оману разожги. И эмир *ваххабитов* объявил Оману войну. Призвал племена *кавасим* с побережья Ас-Сирр (территория нынешних ОАЭ), вставших уже к тому времени на его сторону, «обратить все силы свои и весь свой флот» против Ома-

на – и подорвать его торговлю. Поскольку начался уже сезон жемчужной ловли, то шейх племен *кавасим* попытался, было, возразить, но эмир повторил свое обращение к нему, и в таком тоне, что арабам Ра'с-эль-Хаймы не оставалось ничего другого, как вместо «жемчужной охоты» начать охоту на торговые суда Омана.

Племенной союз *кавасим* возглавлял в то время шейх Султан ибн Сакр Аль Касими, правитель прозорливый, осмотрительный и расчетливый. Действовать, когда требовалось, он мог быстро и решительно. Выстраивать политические комбинации и заключать союзы умел самые неожиданные, но для него самого – определенно результативные. И примером тому – совместные с *ваххабитами* действия против Маската. Тогда племена *кавасим* потеснили Маскат в морской торговле края и восстановили свое превосходство на морских путях у берегов Южной Аравии. Со всем основанием можно говорить о том, что арабы племен *кавасим*, доминировавшие в прибрежных водах 'Уман-эль-Сирра (земель сегодняшних ОАЭ), состоя в союзе с *ваххабитами*, являлись эффективным инструментом последних по реализации их замыслов и намерений в Персидском заливе, выступали в качестве рычага давления на Маскат.

Хроники Английской Ост-Индской компании, повествует арабский историк Абу Хакима, содержат множество историй о пиратствовавших в зоне Персидского залива племенах Прибрежной Аравии и их занятии работоторговлей. Среди

известных корсаров Залива они упоминают племена *кавасим* с центром в Ра'с-эль-Хайме, а также семейно-родовой клан Аль Джалахима из племени *бану 'утуб* во главе с Рахмой ибн Джабиром. Обращались к Рахме с разного рода просьбами деликатного характера, пишет Абу Хахима, и англичане, и *ваххабиты*. Для англичан он выполнял функции связного с *ваххабитами*. А *ваххабиты* использовали его для совершения набегов на Бахрейн. Впоследствии *ваххабиты* даже приютили его у себя. Союз Рахмы с *ваххабитами*, отмечают арабские историки, был обоюдовыгодным. Рахма обрел дарованное ему учением *ваххабитов* право на морские набеги на «неверных» и *мушкиринов*, а *ваххабиты*, в свою очередь, получали от Рахмы (помимо канала связи с англичанами) подать – солидный куш, в размере 1/5 с захваченной им добычи (30).

Активным сторонником *ваххабитов* в схватке с Маскатом арабские историки называют шейха Бадра, племянника правителя Омана. Когда тот совершал паломничество в Мекку (начало 1803 г.), шейх Бадр вошел в стовор с Маджидом ибн Хальфаном, братом губернатора Маската, и попытался завладеть восточным фортом города. В заговоре участвовал также Сайф ибн 'Али, двоюродный брат Султана ибн Ахмада. Затея не удалась. Бадр бежал и укрылся вначале в 'Аджмане, у шейха племени *бану найм*, а затем переселился в Зубару, что на полуострове Катар, где уже хозяйничали тогда *ваххабиты*. Приняв их учение, дважды совершал с ними на-

беги на Оман, и дважды терпел неудачу. В 1804 г. перебравшись в Эль-Дир'иййу, встал под защиту эмира Са'уда и сделался инструментом его действий против Омана.

С учетом степени *ваххабитской* угрозы Оману Султан ибн Ахмад созвал в Барке военный совет. Пригласил на него всех главных членов правящего семейства Аль Бу Са'ид, шейхов крупных племен, *гафиритов* и *хинавитов*, дабы обсудить план совместных действий. Объединить племена, сплотить их и повести за собой против их общего врага ему удалось. Согласно договоренностям, достигнутым в Барке, каждое племя обязалось выставить ополчение, и в установленный день, собравшись в Эль-Хабуре, сообща выдвинуться на *ваххабитов*.

После сражения в вадии Хаймали *ваххабитский* генерал ал-Харик со своим отрядом отодвинулся к Сухару, и стал готовиться к схватке с выступившим против него племенным ополчением оманцев, численностью в 12 000 бойцов, во главе с Ахмадом ибн Са'идом.

В это самое время ал-Харик, получив известие об убийстве эмира 'Абд ал-'Азиза ибн Мухаммада (октябрь 1803 г., Эль-Дир'иййа), снял осаду с Сухара и возвратился в Эль-Бурайми.

В схватке с *ваххабитами* ни турки, ни англичане, несмотря на их громкие заявления о дружбе с Оманом, никакой реальной помощи Султану ибн Ахмаду не оказали. Потеснить *ваххабитов* из Эль-Бурайми он не смог, но в то же время

не позволил им укрепиться в Эль-Батине и продвинуться к столице, к Маскату.

Все внимание *ваххабитов* сфокусировалось тогда на Хиджазе. И *ваххабитская* угроза Оману на какое-то время приутилась (31).

Действия *ваххабитов* в землях Омана возобновились в 1805 г., когда после гибели Султана ибн Ахмада в правящем семействе Аль Бу Са'ид началась схватка за власть. Цель эмира Са'уда состояла в том, чтобы, оказывая помощь обеим сторонам в этом семейном противостоянии, истощить их силы и забрать Оман в свои руки. В Барке был расквартирован отряд *ваххабитской* кавалерии. Оманцев, надо сказать, очень раздражало то, что, помимо содержания этого отряда и выплаты *ваххабитам* ежегодной дани, им силой, вопреки их воли, навязывали чуждое *суннитам* и *ибадитам* учение Мухаммада ибн 'Абд ал-Ваххаба. Особое недовольство и даже негодование вызывали у них действия *ваххабитов*, связанные с разрушением минаретов *иба-дитских* и *суннитских* мечетей.

Ваххабиты в 1808 г. находились в зените величия и славы. От намерений прибрать к рукам Оман эмир Са'уд не отказался. Более того, объявил, что лично возглавит поход на Маскат. Тогда он уже держал политического агента в Маскате, и был хорошо осведомлен о том, что там происходило. Предпринять задуманный им бросок на Оман намеревался из Эль-Бурайми, где располагался крупный военный гарни-

зон *ваххабитов*.

Заметно активизировались в то время пираты племен *ка-васим*, союзников *ваххабитов*. Оникратно увеличили свой флот. Довели число судов в нем до 876, включая 63 океанских *доу* и *бугая*, а суммарную численность экипажей флотилии – до 19 000 человек. Подстрекаемые *ваххабитами*, принялись совершать морские набеги на побережье Эль-Батина и на Западное побережье Индии. Весной 1808 г. захватили у берегов Южной Аравии 20 арабских парусников, перевозивших товары из Индии в порты Персидского залива, и доставили их для продажи на Бахрейн. Другая флотилия *ка-васим*, в составе 50 *доу*, отправилась в поход к побережью Индии. Будучи там, пираты попытались, было, захватить два английских крейсера (один с 24-мя орудиями на борту, другой – с 18-ю), но сделать это им не удалось. Вскоре (23 мая 1808 г.), однако, они завладели крупным британским торговым судном «Минерва», шедшим с грузом в Басру. Отвели его в Ра'с-эль-Хайму. Экипаж перебили, а капитана вообще посекали на части. На борту «Минервы» находилась плененная пиратами жена лейтенанта Тейлора, члена английской резидентуры в Бендер-Бушире. Ее выставили для продажи на навольничьем рынке в Ра'с-эль-Хайме. Но она чудом избежала рабства. Женщину выкупил знавший ее в лицо араб-торговец с Бахрейна. Доставил в Бендер-Бушир, и за вознаграждение в 1000 *серебряных луидоров* Марии Терезии передал английскому резиденту в Персидском заливе.

Справиться с *ваххабитами*, пишет в своем очерке о них известный российский востоковед Агафангел Ефимович Крымский (1871–1942), были уже не в силах ни паша Дамасский, ни паша Багдадский. В 1808 г. эмир Са'уд вторгся в Ирак и «опустошил все населенные пункты по правую сторону Евфрата». Отрядил затем 4 тыс. чел. для набега на Кербелу, а сам с «главными силами, в количестве 45 тыс. воинов», развернул наступление на Багдад. Поход закончился неудачей (32).

Вслед за этим эмир Са'уд направил послания губернаторам Дамаска, Халеба и других сирийских городов, равно как и шейхам влиятельнейших сирийских племен, с требованием принять *ваххабизм*, подчиняться ему, признать его главенство над ними и стать платить дань. На их отказ сделать это разорил все деревни в окрестностях Халеба.

В том же 1808 г., в июне месяце, крупный отряд *ваххабитов* на быстроходных верблюдах предпринял очередной набег на Кувейт. Основанием для «выплеска злобы против Кувейта», как повествуют хронисты, послужил отказ правителя Кувейта, шейха 'Абд Аллаха, платить *ваххабитам* дань. Однако и эта их попытка «опрокинуть непокорный Кувейт и поставить его на колени» успехом не увенчалась. Мужество и стойкость жителей Кувейта по достоинству оценили даже турки. В знак благодарности за решительный отпор *ваххабитам*, стреноживший планировавшийся ими затем бросок на Басру, турецкий паша Багдада направил шейху 'Абд Аллаху

подарки (33).

Эта пощечина, нанесенная *ваххабитам* Кувейтом, не дала покоя эмиру Са'уду. Будучи занятым набегами на Южный Ирак и расширением границ своего государства за счет включения в него земель Хиджаза, он пытался убедить имама Маската и шейха племен *кавасим* совершить совместный бросок на Кувейт с моря. Однако и тот, и другой ответили ему отказом. Предпочли непослушание заинтересованному в них эмиру Са'уду, рассказывает историк Абу Хакима, вполне возможному проигрышу в схватке с хорошо вооруженным уже к тому времени кувейтским флотом, на стороне которого, как они считали, могли выступить к тому же англичане.

Шейх Са'уд ибн 'Абд ал-'Азиз пришел к власти, напомним, в 1803 г., после смерти отца, заколотого в мечети Турайф в Эль-Дир'ийе, во время пятничной молитвы, неким 'Усманом, дервишем из селения близ Мосула. И сделал он это в отместку за «гибель трех сыновей, убитых при разгаблении ваххабитами Кербелы». Скончался эмир Са'уд в 1814 г., от лихорадки. Был, по словам хронистов, человеком прозорливым и решительным. Споры между соплеменниками «решал умно». Обладал даром полководца. Набеги на турок совершал дерзкие. Так, после неудачного похода на Багдад (1808), неожиданно обрушился на Хауран, что в Сирии, располагавшийся в 35 днях пути от Аравии. Передвижными дозорами паши Дамасского во время перехода с войском замечен ни-

где не был. Появился у стен Хаурана, как гром среди ясно-го неба. И пока турки собирали войско, чтобы отразить набег, разграбил и сжег 35 сирийских поселений в окрестностях Дамаска.

Период правления эмира Са'уда ибн 'Абд ал-Азиза арабские историки называют «золотым веком *ваххабитов*». Он распространил власть Дома Са'удов почти на весь Аравийский полуостров. Ему платили дань даже правители Омана, Йемена и Хадрамаута, далеких от Эль-Дир'ийи земель в Нижней Аравии. Ежегодные суммарные поступления в казну эмира (*Бейт-эль-маль*) только в виде налогов (поземельного налога, то есть *хараджа*, а также *заката*, налога на имущество и доходы), без учета доли с военной добычи, отмечает А. М. Васильев, составляли, по данным «Блеска метеора», ок. 2 млн. риалов. Еще 300 тыс. риалов ему приносила земельная собственность в Неджде и Эль-Хасе (34).

Эмир Са'уд слыл непревзойденным мастером *газу*, ловким и удачливым. Редко когда с ходу набрасывался на города, обнесенные оборонительными стенами; даже в том случае, если численность его войска превышала 50 тыс. человек. Еще одно правило Человека-меча, как величали его бедуины, гласило: не нападать на турок в открытую, никогда и ни в коем случае, дабы огневая мощь их ружей и артиллерийских орудий, не косила ряды воинов-*ваххабитов*, как «лезвие бритвы щетину».

Хронисты отзывались о нем как о мужчине статном и

хорошо сложенном. Лицо его украшали длинная борода и пышные усы, из-за которых бедуины прозвали эмира Отцом усов (*Абу шавариб*).

Рассказывают, что под одеждой он носил специально выкованный для него кузнецами стальной жилет, оберегавший его от пуль и стрел, лезвий мечей и кинжалов. Еду, что подавали ему на стол, непременно пробовали в его присутствии, чтобы избежать отравления, слуги, а кофе – личный *кагваджи*, то есть человек, готовивший этот напиток.

Охрана эмира состояла из 300 вооруженных до зубов и хорошо обученных своему делу гвардейцев. Тела их коней защищали специальные стеганные покрывала, с так искусно вплетенными в них конскими и верблюжьими волосами, что стрелы в них попросту застревали. Когда эмир Са'уд молился во дворцовой мечети, то его охраняли двое рабов-гвардейцев, а когда в городской мечети вместе с народом, – то шестеро.

Эмира Са'уда отличали глубокие знания богословия. Давая советы и наставления своим подданным, он подтверждал высказываемые им мысли изречениями из Корана, *хадисов* и ссылками на известных богословов. Вечера любил посвящать беседам с улемами. Его годовой доход оценивался англичанами не менее чем в 1 млн. фунтов стерлингов по ценам тех лет. Расходов на содержание армии он не нес никаких. «Кормили» его войско набеги (*газу*) и та добыча, что они приносили.

Со слов путешественника Буркхардта, у него было несколько жен и много наложниц, абиссинок и красавиц-черкешенок. Некоторых из них, как следует из хроник Неджда, ему подарили правитель Абу-‘Ариша, что в Именской Тихаме, и вожди племен *кавасим*. Жены одевались в дорогие одежды и носили богатые золотые украшения с драгоценными камнями (их доставляли его специальные агенты с рынков Персии, Шарджи и Бахрейна).

Особой гордостью эмира Са’уда являлись конюшни его чистокровных арабских лошадей. Говорят, что таковых у него имелось около двух с половиной тысяч голов, а у каждого из его сыновей – по 100–150 лошадей (35).

Эмир Са’уд славился гостеприимством и «подвигами щедрости». По рассказам того же Буркхардта, за два дня свадебных пиршеств одного из его сыновей гости съели 140 верблюдов и 1,3 тыс. овец (36).

Из повествования Ибн Бишра, летописца Неджда, явствует, что эмир Са’уд владел множеством рабов (не менее шестьюстами), а также несколькими сотнями рабынь. Из рабов формировалась его дворцовая гвардия, беззаветно преданная своему господину. Один из его рабов, ал-Харик (о нем уже упоминалось в этой книге), получил свободу и стал прославленным генералом (37).

Высшей мерой наказания за провинность, «не затрагивавшей основ веры», являлось в государстве эмира Са’уда прилюдное «лишение провинившегося усов». За несоблуде-

ние поста в Рамадан полагалась уже смертная казнь, как и за адюльтер у женщин. Табак, курительные трубки и кальяны во всех захватываемых *ваххабитами* городах они у населения изымали и сжигали. Женщин, уличенных в курении, провозили на осликах «с позором» (лицом к хвосту животного и с гибкой трубкой от кальяна на шее) по улицам городов и сел. Общений правоверных с иудеями и христианами не допускали, именовали таковые «делом срамным и негодим».

Регулярной армии у *ваххабтов* не было. Военнообязанными считались все мужчины в возрасте от 18 до 60 лет. Готовясь к набегу, эмир собирал племенное ополчение – слал гонцов к шейхам

подвластных ему племен с повелением выставить столько-то людей в такой-то день в обозначенном им месте сбора у того или иного колодца. Каждый воин обеспечивал себя сам – оружием, снаряжением и провизией. За счет эмира содержалась только его личная гвардия, сформированная из лучших воинов, численностью в 300 человек (38).

Сделав небольшое отступление от повествования об истории Первого саудовского государства, отметим, что Хиджаз времен эмира Са'уда и двух «аравийских кампаний» египтян, о которых мы расскажем чуть ниже, ярко описали в своих воспоминаниях несколько путешественников. Среди них – испанец Бадиа-и-Леблих Доминго (1766–1818), известный немецкий путешественник-ориенталист Гаспар Ульрих Зе-

етцен (1767–1811), итальянец Джованни Финати из Феррары и знаменитый швейцарский путешественник, один из величайших исследователей «колыбели ислама», Иоганн Людвиг Буркхардт (1784–1817).

В Испании, на родине Бадия-и-Леблиха Доминго, в стране далекой от таинственной и загадочной Аравии, не понаслышке знали о маврах, выплеснувшихся из песчаных просторов Аравии, прокатившихся по Средиземноморскому побережью Африки и захлестнувших Испанию. Там они заложили блистательный Кордовский халифат, считавшийся одно время крупнейшим в Европе центром науки и просвещения. «Колыбелью» мавров была Аравия, а ее «сердцем» – Мекка. Неудивительно поэтому, что любознательный Бадия-и-Леблих, получивший к тому же блестящее образование, горел желанием побывать в «колыбели арабов», увидеть родину народа, «пленившего» когда-то его страну. Мечту свою он осуществил в 1807 г., и стал первым из европейцев, кто определил точное географическое положение Мекки. Более того, единственным к тому времени из европейцев, кто видел Каабу изнутри.

Готовился Бадия-и-Леблих к своему путешествию в Аравию серьезно; выучил арабский язык. 29 июня 1803 г. отправился в Танжер – с секретным поручением. Некоторые исследователи высказывают мнение, что был он, ни много ни мало, доверенным агентом Наполеона, направленным через Алжир, Марокко и Египет в Аравию в целях изучения во-

просов, связанных с планами Бонапарта по захвату Месопотамии и Индии. Другие считают, что действовал он на Аравийском полуострове не только по заданию Наполеона, но и по поручению испанского правительства – тайно собирал сведения о землях, отведенных Папой Римским (в целях их освоения и распространения в них христианства) в распоряжение португальцев, морских соперников и конкурентов испанцев.

Что бы о нем не говорили, но путешествие Бадиа-и-Леблиха в Аравию под видом одного из «потомков» славной династии ‘Аббасидов (750-1258), «принца» ‘Али-бея Аль ‘Аббаси, в сопровождении многочисленных слуг и вооруженной охраны, требовало и должной подготовки «принца», и немалых финансовых средств. Думается, что получил он все это, благодаря поддержке Наполеона. Известно, что Бонапарт мечтал «поставить на колени» Англию и прибрать к рукам Франции две богатейшие «сокровищницы британцев» на Востоке – «землю пряностей», то есть Индию, и «жемчужные шейхства» Прибрежной Аравии. Для реализации своих замыслов в Аравии планировал использовать *ваххабитов* на севере полуострова и некоторых государей на юге, в том числе султана Маската и правителя Умм-эль-Кайвайна, небольшого шейхства (княжества), известного сегодня как эмират Умм-эль-Кайвайн (входит в состав ОАЭ). Во время «аравийской экспедиции» Бадиа-и-Леблиху надлежало исследовать бассейн Красного моря, тамошние гавани и порты «побере-

жья арабов», а также выяснить характер отношений владык южноаравийских княжеств с *ваххабитами*, имамом Йемена и султаном Маската.

Будучи в Александрии Бадия-и-Леблих виделся с Франсуа де Шатобрианом (1768–1848), талантливым дипломатом Наполеона, агенты которого работали во многих крупных городах Арабского Востока, и деятельность их будто бы курировал Шатобриан. В Каире Бадия-и-Леблих встречался с Мухаммадом ‘Али, пашой Египта. Наблюдал за тем, как в мастерской при «мечети султана Калауна трудились над изготовлением *кисвы* для Ка’абы».

15 декабря 1806 г. он присоединился к паломническому каравану, который отправлялся в Мекку. Состоял караван из «5 000 верблюдов». Добравшись до Суэца, шел оттуда Бадия-и-Леблих до Джидды на аравийском паруснике *доу*, с «тяжеленными парусами», которые устанавливали с помощью канатов, «изготовленных их пальмовых волокон».

В Джидде у Бадия-и-Леблиха случилась, по выражению Августа Ралли, описателя увлекательного путешествия испанца, «маленькая неприятность» с губернатором города, которому «приглянулось богатое седло» ‘Али-бея Аль ‘Аббаси.

22 января 1807 г., оставив Джидду, Бадия-и-Леблих отправился в Мекку. Поселился там в доме, который примыкал к дому *тарифа*, вблизи Большой мекканской мечети.

Совершив поклонение Ка’абе, в сопровождении почетно-

го караула из гвардейцев-негров, посетил, по приглашению *тарифа*, его резиденцию. После встречи и беседы с ним, *тариф* назначил ему – для облегчения передвижения по Мекке – «специального чиновника». Был тот чиновник «хранителем колодца Замзам и состоял при *тарифе* главным отравителем». Получив сигнал от агентов-соглядатаев *тарифа*, по пятам следовавших за человеком, попадавшим под подозрение, он, когда требовалось, «подносил такому лицу чашу с водой из Священного источника». Поскольку отказаться выпить воду из этого источника, да еще из чаши, подаваемой самим хранителем источника Замзам, замечает Август Ралли, «считалось у мусульман верхом нечестия, то отравление всегда совершалось наверняка». Если приговоренному к смерти избегнуть ее в Мекке каким-то чудом и удавалось, то уйти от возмездия такому человеку все равно было непросто. Смерть настигала его либо на пути из Мекки в Медину, либо в Джидде. Бадия-и-Леблих знал это и «всегда держал при себе сильное противоядие».

Во время пребывания Бадия-и-Леблиха в Аравии никто не заподозрил в нем иноверца. Более того, *тариф* Мекки пригласил своего «высокого гостя» принять участие в почетном мероприятии – в уборке Ка'абы накануне *хаджжса*. Бадия-и-Леблих помогал *тарифу* подметать мраморный пол внутри Ка'абы и мыть его розовой водой. Вода эта, рассказывает он, стекавшая через отверстие под дверь, собиралась стоявшей вокруг Ка'абы толпой паломников. Некоторые из

них даже пили ее. Получив из рук *тарифа* серебряную чашу с благовонной массой, пропитанной розовым маслом, Бадия-и-Леблих покрыл ею нижнюю часть стены Храма. Затем возжег благовония в курильнице. После чего *шариф* во всеуслышание провозгласил его Хаддамом, то есть служителем Дома Аллаха. Немного сандаловой массы и две «маленькие метелки», используемые при уборке Ка'абы, Бадия-и-Леблих бережно, по его словам, хранил потом, как «памятные реликвии».

Будучи в Мекке, он наблюдал за входившей в Священный город армией *ваххабитов*. Исполняя обряд паломничества, «дары» Храму и «подарки» служителям Дома Аллаха *ваххабиты* делали, как он вспоминал, порохом и свинцом, и в «лучшем случае, – зернами кофе».

Войско их, подошедшее к Мекке, насчитывало сорок пять тысяч человек. Впереди со знаменами следовал конный отряд, численностью в 200 всадников. Шатры, провизию и воду они везли еще примерно на одной тысяче верблюдах. Эмир Са'уд, предводитель *ваххабитов*, передвигался под «зеленым штандартом» с вышитыми на нем словами «символа веры» (*шахады*): «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха»».

Ваххабиты, делится своими впечатлениями Бадия-и-Леблих, «слепо повиновались их вождям». Не лгали, «безропотно сносили усталость», и позволяй вести себя туда, куда требовалось, «хоть на край света». Они с таким «суро-

вым усердием» следили за предписаниями Корана, свидетельствует путешественник, что в захваченных ими городах никто даже помыслить не мог о том, чтобы посидеть в кофейнюшке за чашечкой кофе с кальяном. Табачный дым из переполненных некогда закусовых бесследно исчез. Буквально в считанные дни от запаха табака очищались и рынки, и улицы, и постоянные дворы преходивших в их руки городов.

Бадия-и-Леблих дал полное описание Мекки. Определил положение города. Составил план Большой мечети с указанием ее размеров. Повествуя о Мекке, он сообщает, что напротив Ка'абы видел погребение Исма'ила, прародителя северных племен Аравии, вымощенное плитами из ценных пород зеленого мрамора. Неподалеку от него – *макам* Ибрахима (место Авраама): «больной камень покрытый черной тканью, расшитой золотыми и серебряными нитями» (служил Аврааму, как гласят предания арабийцев, подставкой для ног, когда строил он с Исма'илом Ка'абу).

Описал Бадия-и-Леблих и часть ритуала *хаджжа* у горы 'Арафат. В нем участвовали 83 000 паломников. По окончании исполнения молитвы все они, как «людской смерч», устремились к ущелью, что ведет к Мине, где паломники избивают камнями вкопанные в землю каменные столбы, символизирующие собой шайтана.

Науки и искусства в Мекке, пишет он, совершенно неизвестны. Не имелось там в его время и «правильно устроенных школ».

Мекка оживала, замечает он, только во время *хаджжа*, а потом «вновь впадала в девятимесячную спячку».

Во время перехода из Мекки в Медину, рассказывает Бадия-и-Леблих, караван его остановили, взяли выкуп, а потом всех паломников еще и обобрали до нитки. У него лично отняли все вещи. На этом пути он повстречал другой караван. С ним передвигались несколько лиц, которые до захвата Медины *ваххабитами*, являлись служителями Мечети Пророка (Масджид ан-Наби), где находится Гробница Посланника Аллаха. Они-то и поведали ему о том, какой грабеж учинили *ваххабиты* в Городе Пророка, и какими несметными богатствами завладели.

Путевые заметки Бадия-и-Леблиха, изданные под названием «Путешествия Али-бея в Африку и Азию», изобилуют массой интересных сведений. Изложены они сжато, но ярко и многогранно, языком человека с двойным зрением – путешественника и разведчика. В обоснование «права на жизнь» такой версии профессиональной деятельности Бадия-и-Леблиха в Аравии и его «настоящем лице» можно сослаться на описание им, притом очень точное, заметим, с географической точки зрения, мест расположения Джидды, Мекки и Медины. Обращает на себя внимание и скрупулезно составленный им список колодцев с качеством воды в них. Примечателен и тот факт, что, возвратившись на родину, Бадия-и-Леблих занимал казенную должность при брате Наполеона, а когда французов из Испании изгнали, то перебрался во

Францию.

Скончался Бадия-и-Леблих в Дамаске, в 1818 г., где заболел дизинтерией. По одним сведениям, погребли его по мусульманскому обычаю, в замке Балка, что на пути паломников из Дамаска в Мекку. По другой версии, захоронить его как мусульманина не дозволили, «ибо под жилетом нашли после смерти нательный крестик».

Виктор Гюго, познакомившийся с Бадия-и-Леблихом в Испании, отзывался о нем, как о человеке образованном и остроумном. Поговаривают, что он обладал «редкой храбростью и хладнокровием», ярко проявлявшимся во время всех тех опасностей, с которыми он встречался во время путешествия, а также «замечательными познаниями во многих науках и языковедении» (39).

Гаспар Ульрих Зеетцен родился в Иевере, в княжестве Фрисландском, перешедшем в 1793 г. под власть императрицы Екатерины. Стал подданным Государства Российского. Отец его, сообщает в своем увлекательном сочинении «Мекка в описаниях европейцев» Август Ралли, был богатым фермером и дал сыну хорошее образование. Гаспар Ульрих Зеетцен окончил Геттингенский университет (медицинский факультет). Предпринял путешествие на Восток. Финансовую поддержку ему оказал император Александр I, самодержец российский. Шесть месяцев он провел в Константинополе, год в Алеппо и год в Дамаске, где занимался изучением арабского языка. Побывал в Палестине (составил, как

пишет Август Ралли, «первую верную карту Мертвого моря») и в Каире. И 27 августа 1809 г. отбыл из Суэца в Святые земли ислама. Чтобы без риска для жизни попасть в «запретную для христиан» Мекку и увидеть Ка'абу, нужно было принять ислам. И он сделал это, в Каире (в июле 1809 г.). В октябре 1809 г. прибыл в Мекку, с паломническим караваном. Месяц прожил в Мекке, «поучившись, – как следует из его воспоминаний, – у одного из местных мужей ученых» из числа улемов. Познакомился с мусульманскими святынями в Мекке.

Посетил также Медину. Управляли ею тогда, замечает он, *ваххабиты*. И поэтому паломники «посещали могилу Пророка украдкой». Мечеть Медины, отмечает он, – «здание значительной величины, с большим количеством колонн, некоторые из которых обложены до высоты в 9 футов мрамором, яшмой, порфиром и майоликой, и украшены золотыми надписями».

Будучи заподозренным в том, что он – турок, его задержали, препроводили к наместнику эмира *ваххабитов* в Медине и «подвергли строгому допросу». Отпустили. Оставаясь в Медине, он умудрился «тайком начертить карту Медины с окрестностями. Сделал эскизы города и Мечети Пророка».

11 января 1810 г. опять отправился в Мекку – для совершения *хадджа*. «Скопление верблюдов у Мекки было так велико, – рассказывает он, – что его караван едва смог войти в город». Находясь там, наблюдал, как «более тысячи па-

ломников зараз совершали *таваф* [семикратный обход вокруг Ка'абы]», как затем «ринулись, все разом, целовать Черный камень», как «толпы паломников бегали между Сафой и Марвой».

Хаживал, соблюдая правила *хаджжа*, к горе 'Арафат, «склоны которой наполовину были покрыты пилигримами». Холодную ночь провел в Муздалифе. Местность Мина, какой он ее лицезрел, «имела вид бойни».

По окончании *хаджжа* он еще два месяца жительствовавал в Мекке. «Составил карту города и его окрестностей», а также «план мечети, и сделал 16 рисунков отдельных ее частей». Там же, в Мекке, впервые попробовал «блюдо из саранчи». Нашел, что она – «вкусная, если зажарена в коровьем масле». Часто потом, по его словам, ел саранчу в Йемене, куда, покинув Мекку (26 марта 1810 г.), отбыл морем из Джидды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.